

Раздел IV Кризис и крах советской системы

Глава 8 Оттепель (1953—1964)

§ 1. Ситуация «без Сталина» и изменение общественной атмосферы

«...Возле Мавзолея толпилось человек 200. Было холодно. Все думали, что выносить саркофаг с телом Сталина будут через главный вход. Никто не обратил внимания, что с левой стороны от Мавзолея стояли деревянные щиты, над которыми горели электролампочки.

Поздно вечером справа к Мавзолею подъехала крытая грузовая военная машина... Кто-то крикнул: «Выносят!»... Из боковой двери Мавзолея солдаты вынесли стеклянный саркофаг и погрузили его в машину... Вот тут-то мы и увидели, что за щитами солдаты роют могилу... Ни кино, ни телерепортеров в то время возле Мавзолея не было».

Такими запомнились журналисту В. Стрелкову вторые похороны Сталина, совсем не похожие на те, что состоялись в пятьдесят третьем. Вождь умер, и 6 марта в «Правде» было опубликовано правительственное сообщение об этом событии.

«Я хотел задуматься: что теперь будет со всеми нами? — вспоминал свои ощущения того дня И. Эренбург. — Но думать я не мог. Я испытывал то, что тогда, наверное, переживали многие мои соотечественники: оцепенение».

А потом была Трубная площадь в Москве. «Дыхание десятков тысяч прижатых друг к другу людей, поднимавшееся над толпой белым облаком, было настолько плотным, что на нем отражались и покачивались тени голых мартовских деревьев. «Это было жуткое, фантастическое зрелище, — напишет потом Е. Евтушенко, оказавшийся в той многотысячной толпе на Трубной. — Люди, вливавшиеся сзади в этот поток, напирали и напирали. Толпа превратилась в страшный водоворот... Вдруг я почувствовал, что иду по мягкому. Это было человеческое тело. Я поджал ноги, и так меня несла толпа. Я долго боялся опустить ноги. Толпа все сжималась и сжималась. Меня спас только мой рост. Люди маленького роста задыхались и погибали. Мы были сдавлены с одной стороны стенками зданий, с другой стороны — поставленными в ряд военными грузовиками».

Люди шли к Колонному залу, где был установлен гроб с телом Сталина. «Я стоял с писателями в почетном карауле, — вспоминал И. Эренбург. — Сталин лежал набальзамированный, торжественный, без следов того, о чем говорили медики, а с цветами и звездами. Люди проходили мимо, многие плакали, женщины поднимали детей, траурная музыка смешивалась с рыданиями. Плачущих я видел и на улицах. Порой раздавались крики: люди рвались к Колонному залу. Рассказывали о задавленных на Трубной площади. Привезли отряды милиции из Ленинграда. Не думаю, чтобы история знала такие похороны».

А дальше — главное: «Мне не было жалко бога, который скончался от инсульта в возрасте семидесяти трех лет, как будто он не бог, а обыкновенный смертный; но я испытывал страх: что теперь будет?.. Я боялся худшего».

Похожие ощущения испытывали в момент смерти Сталина многие. «Это было потрясающее событие, — вспоминал А.Д. Сахаров. — Все понимали, что что-то вскоре изменится, но никто не знал, в какую сторону. Опасались худшего (хотя что могло быть хуже?..). Но люди, среди них многие, не имеющие никаких иллюзий относительно Сталина и строя, боялись общего развала, междуусобицы, новой волны массовых репрессий, даже — гражданской войны».

Не надежды на перемены к лучшему, а опасения «как бы не было хуже» формировали главную психологическую установку тех дней. Она же определяла состояние общественной атмосферы и на более длительный период — пока люди выходили из психологического шока, вызванного смертью Вождя. В такой обстановке

руководство страны оказалось даже в более выгодном положении, чем в ситуации обостренного желания перемен, обычно сопровождающей кризис власти. В данном случае кризис власти, казалось, был обусловлен естественной утратой, невозможность возмещения которой и неизвестные следствия какой бы то ни было замены рождали столь же естественное желание — оставить все как есть. Любые начинания послесталинского руководства, рассматриваемые под углом зрения «как бы не было хуже», должны были, казалось, в массовом сознании получать однозначно положительную оценку. Но тоже при одном условии: новые руководители обязаны были действовать как «наследники» Сталина, т.е. сохранять преемственность курса или хотя бы ее внешнюю форму. В реальной политике это приводило к увеличению заведомо тупиковых решений. Не случайно поэтому среди влиятельных лиц, вошедших в так называемое «коллективное руководство», не было ни одного (за исключением, пожалуй, В.М. Молотова), кто бы отстаивал сохранение прежнего курса в неизменном виде.

Однако понимания обреченности пути назад при определении нового политического курса было мало. Предстояло выбрать, хотя бы на уровне общих принципов, направление движения вперед. И здесь иного пути, кроме преодоления сталинского наследия, просто не было. Доверие народа, оплаченное принадлежностью к «наследникам» Сталина, и исчерпание политической эффективности «наследства» — это противоречие серьезно осложнило перспективные планы правящей группы и отношения внутри нее, которые и без того были непростыми.

Смерть Сталина уже сама по себе внесла серьезные коррективы в систему отношений между народом и властью. Вместе с Вождем исчезло главное звено, обеспечивающее общность этих разноуровневых подсистем, перестал функционировать главный механизм гармонизации их интересов. Эта гармония всегда была относительной (о чем свидетельствует обязательное наличие в палитре общественных настроений претензий и выпадов в адрес властей, прежде всего местных). Обратной стороной этой относительной гармонии было прогрессирующее отчуждение народа от власти: после смерти Сталина оно приобретает тенденцию перерастания в абсолютное (окончательно этот процесс завершился при Л.И. Брежневе). Самым простым выходом из положения было бы обретение нового Вождя, нового баланса. Однако возвращение к системе вождизма, в ее надчеловеческой просталинской форме, вряд ли представлялось возможным: сама смерть Сталина блокировала этот путь. Земной бог перестал существовать как простой смертный — именно это обстоятельство долго не укладывалось в сознании многих людей.

Восприятие Сталина как человека в массовом сознании изменило и отношение к его преемникам наверху, которые тоже становились «простыми людьми». Власть лишилась божественного ореола. Но не вполне: от высшей власти по-прежнему ждали «подарков» как от «бога», а ее действия уже рассматривали по законам простых смертных. Этой новой ситуации не оценили наверху, больше полагаясь на отпущенный кредит доверия, нежели задумываясь о том, чем этот кредит придется реально оплачивать. Трезвому анализу ситуации помешали и внутренние разногласия в правящей группе, в которой началась борьба за власть.

§ 2. Несостоявшийся триумvirат и лидеры «оттепели»

Процесс преодоления кризиса власти, вызванного смертью Сталина, и выдвижение Хрущева в качестве единоличного лидера прошел в своем развитии четыре этапа: 1) период триумvirата — Берия, Маленков, Хрущев (март — июнь 1953 г.); 2) период формального лидерства Маленкова (июнь 1953 г. — январь 1955 г.); 3) период борьбы Хрущева за единоличную власть (февраль 1955 г. — июнь 1957 г.); 4) период единоличного лидерства Хрущева и формирования оппозиции «молодого» аппарата (июнь 1957 г. — октябрь 1964 г.).

Смерть Сталина открыла дорогу реформам, необходимость которых ощущалась обществом и частью руководителей сразу после окончания второй мировой войны, но которые вряд ли были возможны при жизни вождя. Экономическая и политическая ситуация внутри страны и обстановка «холодной войны» на международной арене формировали ряд узловых проблем (своего рода «болевых точек»), решать которые или реагировать на существование которых пришлось бы так или иначе любому руководству, вставшему у государственного руля в 1953 г.

Первый комплекс проблем был связан с развитием репрессивной политики конца 40-х — начала 50-х гг., превратившей органы МВД—МГБ в особую систему тотального контроля, охватившую практически все сферы общественной жизни и все слои общества — от низов до высшего эшелона руководства. Закон самосохранения требовал от правящего слоя внести в эту систему известные коррективы, чтобы отвести от себя угрозу очередных кадровых чисток. Следующий вопрос, решение которого тоже требовало реформирования органов МВД—МГБ, был вопрос о системе ГУЛАГа, сохранение которой в неизменном виде не только не отвечало задачам экономической целесообразности, но и создавало угрозу политической стабильности. Смерть Сталина привела ГУЛАГ в движение: докладные записки МВД информировали о «массовом неповиновении», «бунтах» и «восстаниях» в лагерях и колониях, из них наиболее значительных — летом 1953 г. в особом лагере № 2 (Норильск) и особом лагере № 6 (Воркута), в мае—июне 1954 г. — в особом лагере № 4 (Карагандинская область, «Кенгирское восстание»).

Пересмотр репрессивной практики не мог ограничиться просто изменением режима в лагерях и колониях или частичными кадровыми перестановками в органах внутренних дел, в конечном счете речь шла о возможностях либерализации политического режима в целом, хотя вопрос о пределах этих возможностей оставался открытым.

Не менее важный комплекс проблем, требующих неотложного решения, сложился в сфере аграрной политики. Два раза за послевоенный период, в 1948 и 1952 гг., повышался сельскохозяйственный налог, форсированными темпами шел процесс укрупнения колхозов, создавший немало проблем для жителей деревни, не обошла колхозников стороной и послевоенная волна репрессий. В результате к началу 50-х гг. бегство из деревни, несмотря на паспортный режим в городах, стало массовым явлением: только за четыре года — с 1949 по 1953 г. — количество трудоспособных колхозников в колхозах (без учета западных областей) уменьшилось на 3,3 млн. человек. Положение в деревне было настолько катастрофическим, что подготовленный проект увеличения сельхозналога в 1952 г. до 40 млрд. рублей, абсурдный в основе своей, не был принят. Вместе с тем базовые принципы аграрной политики при жизни Сталина оставались неизменными, их придерживались и весьма последовательно воплощали в реальность даже те люди из окружения Сталина, которые после его смерти станут инициаторами совершенно иной линии в решении аграрного вопроса.

Серьезные проблемы для московского руководства создавало положение дел в западных областях Белоруссии и Украины, а также в Латвии, Литве и Эстонии. Политика советизации по-прежнему встречала здесь сопротивление, хотя и не такое активное, как в первые годы после окончания войны, в течение 1952 г. в ЦК КПСС несколько раз обсуждались вопросы, связанные с ситуацией именно в этих регионах.

Наконец, большой круг вопросов, которые пришлось бы решать новому руководству, кто бы ни оказался во главе его, касался области внешней политики: диктат Москвы в отношении стран Восточной Европы и откровенная конфронтация с Западом не прибавляли авторитета советскому режиму.

Таким образом, направления возможных перемен в известном смысле были как бы заранее заданы. В данном случае интерес правящего слоя совпал с широким общественным интересом, поэтому осуществление реформ, помимо практического,

обещало большой пропагандистский эффект, т.е. работало на авторитет новой власти как внутри страны, так и за ее пределами. Однако — и это особенно важно — задано было только направление движения, поисков. Главный вопрос — в каких формах и насколько последовательно будет проводиться новый политический курс, как будут определяться его конкретное содержание и темпы реализации, как и вопрос, состоится ли политика реформ вообще, — в своем решении зависел от расстановки сил в руководстве страны и от выбора лидера (или группы лидеров). При проведении реформ сверху личный фактор играет одну из ключевых ролей.

Затяжной характер кризиса власти 1953 г., длительная борьба за лидерство среди бывших сталинских соратников имели под собой достаточно очевидную причину: отсутствие официального (формального) лидера, обладающего реальной властью. Не случайно первое перераспределение ролей в высшем эшелоне руководства (март 1953 г.) не решило вопроса о лидере. Реально власть тогда сосредоточилась в руках «тройки» — Берии, Маленкова и Хрущева, занявших три ключевых поста: Маленков стал Председателем Совета Министров СССР. Берия — министром внутренних дел (МВД было объединено с МГБ), Хрущев возглавил секретариат ЦК КПСС.

Маленков, Берия и Хрущев принадлежали к тому поколению советских руководителей, родословная которого начиналась от времен революции и гражданской войны. Почти все представители этого поколения были обязаны своим возвышением кадровым чисткам 20—30-х гг., они составили костяк «сталинской гвардии», элиту нового слоя партийной номенклатуры. Общность происхождения и профессионального продвижения формировала не только общий статус этого слоя, но и известную общность мышления и образа действий его представителей. Если большевики с дореволюционным партийным стажем начинали свою деятельность в условиях известного партийного плюрализма, то вступившие в большевистскую партию после революции принадлежали уже к партии правящей, причем правящей монополично. Политические течения небольшевистской ориентации были ликвидированы, а впоследствии были уничтожены различные группировки и внутри партии большевиков. Для тех, кто остался в ее рядах после внутривнутрипартийных дискуссий, принцип единовластия партии, враждебное отношение к какой бы то ни было оппозиции превратились в устойчивые стереотипы сознания.

Сформировавшиеся как политическая элита в условиях режима личной власти Сталина, представители этого поколения партийной номенклатуры усвоили именно сталинскую модель организации власти в качестве личного опыта, никакой другой они просто не знали. Личный опыт, как известно, во многом определяет и пределы возможного на перспективу: это важно иметь в виду при характеристике реформаторских возможностей данного слоя. От людей, не усвоивших демократии в качестве личного опыта, трудно было ожидать существенного продвижения в этом направлении. Груз прошлого — очевидность, с которой приходилось считаться, выбирая между общественным благом и личной ответственностью за вершившиеся в стране беззакония.

Георгий Максимилианович Маленков. По формальным признакам он более других подходил на роль преемника Сталина. Маленков делал доклад от имени ЦК на последнем съезде партии в 1952 г., в отсутствие Сталина вел заседания Президиума ЦК и Совета Министров, после смерти Сталина наследовал его пост Председателя Совмина. Уже с конца 30-х гг. Маленков работал в непосредственной близости от Сталина, возглавлял сначала Управление кадров ЦК, затем секретариат. Для него, выходца из дворянской семьи, за плечами которого была классическая гимназия, — это была необычная карьера. От других соратников Сталина, по большей части «практиков», Маленкова отличал довольно высокий для этой среды образовательный уровень (он учился в МВТУ) и особый стиль общения с людьми, который не раз давал повод упрекать его в «мягкотелости» и «интеллигентности». Его называли хорошим организатором. Маленкова вообще вряд ли можно рассматривать как самостоятельного лидера. По складу

характера он таковым не был; он мог играть роль первого, оставаясь по сути вторым. Так было в его отношениях с Берией и так могло сложиться (но не сложилось) в его отношениях с Хрущевым. И тем не менее именно Маленков стоит у истоков тех реформ, которые связаны с понятием «оттепель».

Никита Сергеевич Хрущев. По складу характера — полная противоположность Маленкову. Резкий, решительный, неосторожный в словах и поступках, он прешел все ступени партийной работы, возглавлял крупные парторганизации (Москва, Украина). Нигде и ничему серьезно не учившийся, Хрущев компенсировал недостаток образования удивительным политическим чутьем, почти всегда верно угадывая главную тенденцию времени. В отличие от Маленкова или Берии, Хрущев попадает в «ближний круг» Сталина только в 1949 г., когда его после 10-летнего перерыва вновь избирают главой московских коммунистов. При распределении ролей в марте 1953 г. Хрущева явно отодвинули на второй план и он вынужденно занял выжидательную позицию. Однако после активизации Берии, в которой Хрущев увидел угрозу своему положению, он начал действовать. Результатом этих усилий стало устранение Берии, после чего решение вопроса о единоличном лидере оставалось лишь делом времени.

Лаврентий Павлович Берия. Самая загадочная фигура среди «наследников» Сталина. Безусловно, одаренный от природы, умный и расчетливый, он долгое время был шефом советской разведки и контрразведки. Однако в историю Берия вошел все-таки не как «главный разведчик», а прежде всего как глава карательного ведомства, с именем которого связана репрессивная политика конца 30-х и начала 50-х гг. (хотя в 1946 г. Берия не возглавлял, а лишь курировал органы МВД—МГБ). После смерти Сталина для Берии пробил «звездный час».

В течение марта—июня 1953 г. он выступил с рядом предложений, главные из которых были направлены на реформирование системы МВД—МГБ. Предложения Берии включали следующие основные позиции: передать лагеря и колонии из МВД в ведение Министерства юстиции (кроме особых лагерей для политических заключенных), ограничить сферу применения принудительного труда в экономике и отказаться от нерентабельных «великих строек коммунизма», пересмотреть сфабрикованные дела, отменить пытки при проведении следствия, провести широкую амнистию (последняя также не должна была касаться осужденных по политическим мотивам) и др.

В мае—июне Берия обратился в Президиум ЦК КПСС с тремя записками по национальному вопросу — «Вопрос Литовской ССР», «Вопросы Западных областей й ССР» и «Вопросы Белорусской ССР». В этих записках Берия обосновывал необходимость пересмотра принципов национальной политики, которые заключались в отказе от насильственной русификации и выдвижении на руководящие посты национальных кадров. Берия в данном случае действовал в пределах своей компетенции, поскольку его предложения касались прежде всего смены руководящего состава органов внутренних дел и государственной безопасности. Впоследствии, уже после ареста Берии, именно его позиция по национальному вопросу станет одним из главных пунктов среди предъявленных обвинений. Между тем во время обсуждения этих записок в ЦК Берия получил почти единодушную поддержку.

Попытки решить вопрос о выдвижении национальных кадров в республиках предпринимались и до 1953 г., однако существовавшая с 1936 г. практика, согласно которой любое назначение на номенклатурную должность предполагало обязательное утверждение через органы госбезопасности, делала эти попытки заведомо безуспешными: в западных областях Украины и Белоруссии или в Прибалтике трудно было найти человека с «чистой», с точки зрения чиновника НКГБ, анкетой, т.е. не находившегося на оккупированной территории, не имеющего родственников за границей и т.д. В феврале 1952 г. секретариат ЦК ВКП(б) специально обсуждал этот вопрос в связи с отчетом о работе Вильнюсского обкома ЦК КП(б) Литвы. Председательствовавший на том заседании Маленков говорил о необходимости менять политику в отношении

национальных кадров и прежде всего тот порядок, по которому получалось, что «бандиты у себя друг другу больше доверяют, нежели наши работники в МГБ».

Записки Берии соответствовали принятым еще в 1952 г. решениям, конкретизировав и расширив их. Выступление с инициативой по национальному вопросу, безусловно, сулило большие политические дивиденды. Поэтому стремившийся всегда действовать в духе времени и заботившийся о росте личной популярности и личного влияния, Хрущев тоже решил поддержать предложения Берии. В июне 1953 г. Хрущев, по примеру Берии, сам готовит записку в Президиум ЦК «О положении дел в Латвийской ССР» и проект постановления ЦК по этому вопросу. Текстуальное сравнение записок Берии по Украине, Белоруссии и Литве с запиской Хрущева по Латвии доказывает не только общность подходов обоих лидеров, но и то, что Хрущев при составлении своей записки непосредственно руководствовался материалами Берии, а возможно, и использовал их.

На Пленуме ЦК КПСС в июле 1953 г., посвященном «делу Берии», об инициативе Хрущева не только не упоминалось, но и сам Хрущев в своей речи на пленуме говорил о Берии как о единственном авторе всех записок по национальному вопросу, в том числе и по Латвии. Любопытен и такой факт: на пленуме с осуждением предложений Берии по этой позиции выступили первые секретари ЦК компартий Украины, Белоруссии и Литвы. От ЦК КП Латвии таких разоблачений не последовало.

Данный случай является весьма показательным для того времени, когда судьба инициатив, даже прогрессивных в своей основе, ставилась в зависимость от исхода борьбы за политическое лидерство. У новой линии в сфере национальной политики, конечно, были свои издержки (об этом, например, свидетельствовали жалобы на ущемление в правах, поступавшие от русскоязычного населения), но отвергнута она была вовсе не по этой причине, а потому, что была связана с именем Берии. Возможно, по этой же (личной) причине Хрущев впоследствии отказался от проведения «маленковской» аграрной политики. Последующий опыт как будто бы подтверждает это предположение: насколько Хрущев был равнодушен к «чужим» идеям, настолько же активно он стремился проводить в жизнь свои. Надо признать, что Хрущев весьма болезненно относился к проблеме первенства. Молотов, например, вспоминал, что после выступления Маленкова с аграрной программой в августе 1953 г. Хрущев был буквально возмущен: он, Хрущев, должен был об этом сказать первым.

Опасения Хрущева упустить первенство, думается, сыграли не последнюю роль в смещении Берии. Некоторые документы из секретариата Хрущева свидетельствуют о том, что он внимательно наблюдал за изменениями расстановки сил и настороженно относился к усилению позиций других членов «тройки» — Берии и Маленкова. Один из таких документов — полученная методом радиоперехвата и направленная Хрущеву для информации радиограмма одного из руководителей национального подполья на Украине (ОУН) В. Кука. Автор радиограммы следующим образом комментировал ситуацию в московском руководстве на июнь 1953 г.: «...Берия далеко еще не хозяин положения в Кремле. Он вынужден делить свою власть с Маленковым и другими, и даже вынужден был уступить ему первенство... В этих персональных сменах необходимо ожидать еще различных ревелаций, они будут продолжаться еще долго, до тех пор, пока снова не появится один мудрый вождь, на весь СССР. Кто это будет? Я думаю, что не Маленков, а Лаврентий (Берия — Е.З.) — это потому, что в его руках конкретная и надежная сила, а это при всякой политике — самый сильный правовой аргумент».

Последняя фраза текста специально выделена — самим Хрущевым или для Хрущева, но именно в ней заключался главный смысл информации: был назван первый претендент на место «вождя». Это во-первых. И во-вторых, имя Хрущева среди первых лиц вообще не упоминается. Подобная оценка ситуации в московских верхах, видимо, вполне соответствовала действительности. Хрущев принял решение ее изменить. Он начал борьбу за власть, имея по сравнению с другими претендентами самые

неблагоприятные формальные шансы, однако авторитет должности и изменение соотношения сил после ликвидации «тройки» позволили Хрущеву в конечном счете выйти из этой борьбы победителем.

Берия в качестве единоличного лидера не устраивал не только Хрущева, но и других бывших сталинских приближенных, подозрения в стремлении его к личной диктатуре решили судьбу этого политика. После ареста Берии (июнь 1953 г.) власть на короткое время переходит в руки Маленкова.

§ 3. 1953 год и новая аграрная политика

Политика Маленкова складывалась из трех составляющих: социальная переориентация экономики, изменение политики в отношении деревни, разрядка в международных делах. В марте 1953 г. Министерством финансов для Маленкова был подготовлен проект докладной записки о налоговой политике в деревне. На основе расчетов доходности крестьянских хозяйств в соотношении с ростом налогов за 1949—1953 гг. в записке был сделан вывод о возникновении «диспропорции в сторону экономической неоправданности увеличения налогового обложения крестьян». Этот вывод был поддержан и обоснован в докладе министра сельского хозяйства и заготовок А. Козлова, направленном Маленкову в июле 1953 г. Доклад можно считать первичным документом, который лег в основу речи Маленкова на сессии Верховного Совета СССР в августе 1953 г. и речи Хрущева на Пленуме ЦК КПСС через месяц после выступления Маленкова. Доклад Козлова представляет собой документ аналитического характера, где в обобщенном и систематизированном виде говорится о недостатках в аграрной политике и предлагаются конкретные меры по выводу сельского хозяйства из кризиса (хотя само понятие «кризис» не употребляется). О многих проблемах российской деревни в докладе было сказано впервые: например, о резком снижении за послевоенный период жизненного уровня колхозников, о массовом бегстве из села и т.д. В качестве главного вывода в докладе обосновывался тезис о необходимости делать ставки на материальный интерес крестьянина. Предложения Министерства сельского хозяйства и заготовок о снижении налогов, норм обязательных поставок сельскохозяйственной продукции и списании задолженности колхозников за прошлые годы впоследствии были оформлены как решения сессии Верховного Совета СССР.

По свидетельству помощника Маленкова Д.Н. Суханова первоначально Пленум ЦК КПСС по вопросам сельского хозяйства намечалось провести в августе 1953 г. С докладом на пленуме должен был выступить Маленков. Основные положения своего доклада он изложил на заседании Президиума ЦК в июле 1953 г. Как вспоминает присутствовавший на том заседании Суханов, позиция Маленкова по аграрному вопросу вызвала возражения большинства членов Президиума ЦК, пленум был перенесен на сентябрь и делать доклад на нем было поручено уже не Маленкову, а Хрущеву. Однако полностью перехватить инициативу в тот момент Хрущеву не удалось. В августе 1953 г. Маленков все-таки осуществляет свое первое большое публичное выступление, но не на пленуме ЦК КПСС, а на сессии Верховного Совета. Это выступление носило программный, а по ряду положений новаторский характер. Маленков говорил о необходимости смены приоритетов во внутренней политике, о повороте экономики лицом к человеку. Под этим углом зрения предлагалось пересмотреть соотношение темпов роста тяжелой индустрии и промышленности, работающей непосредственно на чужды населения, развернуть социальные программы, включающие развитие жилищного строительства, торговли, здравоохранения и т.д. Особое внимание в докладе Маленкова уделялось обоснованию нового курса в аграрной политике. На той же сессии Верховного Совета был принят новый закон о сельскохозяйственном налоге, представлявший собой коренную реформу системы налогообложения, действовавшую с 1930 г. (До 1953 г. сельскохозяйственный налог был построен на принципе прогрессивных ставок, т.е. исчислялся от общей суммы доходов с крестьянского хозяйства по отдельным видам

продукции, независимо от размеров хозяйства. В результате наиболее продуктивные хозяйства оказывались в самом невыгодном положении. С 1 июля 1953 г. вводился принцип твердого налогообложения, т.е. с 1 га приусадебного хозяйства, независимо от его доходности. Общая сумма сельскохозяйственного налога в результате реформы снизилась с 9,5 млрд. руб. в 1952 г. до 4,1 млрд. руб. в 1954 г.)

После выступления в августе 1953 г. имя Маленкова, особенно среди крестьян, стало очень популярным. Газету с докладом Маленкова «в деревне зачитывали до дыр, и простой бедняк-крестьянин говорил «вот этот — за нас!» — можно было прочитать в одном из писем, направленных в ЦК КПСС.

Позиция Хрущева в аграрном вопросе на тот момент вряд ли могла быть инициативной еще по одной причине: в 1951 г. он уже «обжегся» на сельскохозяйственной теме, когда написал свою знаменитую статью «О строительстве и благоустройстве в колхозах». Эта статья, как известно, послужила одним из поводов для принятия 2 апреля 1951 г. Закрытого письма ЦК ВКП(б), в котором позиция Хрущева подверглась решительной критике, в том числе и по вопросу недооценки значения личных подсобных хозяйств для жителей деревни. Поэтому репутация Хрущева как «аграрника» была сильно подорвана, напротив, Маленков в послевоенный период курировал именно сельское хозяйство. В своих воспоминаниях Хрущев весьма нелестно отзывается о компетентности Маленкова в вопросах сельского хозяйства, ссылаясь при этом на замечание Сталина. Однако именно при Сталине Маленков в течение семи лет (с 1945 по 1952 г. с перерывом в 1946 г.) занимался аграрными проблемами, проводя сталинскую линию. Эта политика, естественно, в корне отличалась от той, которую Маленков принял в 1953 г., когда получил возможность действовать самостоятельно. Уровень компетентности во многом зависит от уровня информированности, а Маленков был, несомненно, одним из самых информированных в вопросах сельского хозяйства членом Политбюро. Правда, информированность его имела довольно односторонний характер, поскольку источником информации для руководителей такого ранга всегда служил аппарат. Значит, Маленков, как и другие, получал уже «просеянную» и соответствующим образом организованную информацию. Не случайно, например, знаменитый тезис о якобы решенной в СССР зерновой проблеме неоднократно повторяется Маленковым. И не только им.

Хрущев первым из руководителей в своей последующей деятельности пытался сломать эту систему односторонней связи: он часто выезжал на места, чтобы лично, не доверяя аппаратной информации, знакомиться с положением дел. Ему принадлежит приоритет в пересмотре вывода о благополучном положении в обеспечении хлебом. Результатом размышлений Хрущева на эту тему является его записка в Президиум ЦК КПСС «Пути решения зерновой проблемы» (январь 1954 г.), которая стала инициативным документом для принятия постановления об освоении целины. За период, прошедший после смерти Сталина, это была первая личная инициатива Хрущева в области аграрной политики.

В 1953 г. все складывалось иначе, и хотя позади была победа над Берией, Хрущев не чувствовал себя достаточно уверенным. Если сравнить, например, его выступление на сентябрьском пленуме в 1953 г. с его публичными речами более позднего периода, то сразу можно отметить различия, причем не столько по уровню содержательному, сколько по стилистическому: сентябрьское выступление — совсем не «хрущевское», его стиль очень сдержанный, подчеркнута деловая, без ставших потом привычными оживленных отступлений. Если Маленков в августе выступает с программной речью, то Хрущев на пленуме фактически конкретизирует и развивает его основные положения по аграрному вопросу. Случай сам по себе примечательный: Пленум ЦК не выдвигает, а лишь подтверждает те решения, которые уже были приняты на сессии Верховного Совета. Больше подобного не повторится: партия во главе с Хрущевым возьмет инициативу в свои руки, что получит закрепление даже на формальном уровне. С 1955 г. все

совместные партийно-правительственные решения будут приниматься как постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР, хотя раньше они подписывались, как правило, в обратном порядке — как постановления Совета Министров и ЦК. При жизни постановления от имени Совета Министров визировал сам Сталин, от имени МК ВКП(б) — Маленков. После смерти Сталина прежняя практика сначала была сохранена, и совместные постановления подписывали Маленков как Председатель Совета Министров и Хрущев как секретарь ЦК КПСС. Маленков формально как будто занял место Сталина. Хрущев нарушит эту формальность: не случайно изменение порядка подписания официальных документов хронологически совпадает с отстранением Маленкова от должности премьера.

Личное соперничество между Хрущевым и Маленковым отразилось, однако, не только на порядке подписания документов, оно имело гораздо более серьезные последствия. Маленков был фактически отстранен от власти, но недоверие к аграрному курсу 1953 г. (хотя и названному теперь «курсом сентябрьского пленума», однако в сознании Хрущева все равно связанному с именем Маленкова) у Хрущева осталось. Результатом этого недоверия, а может быть, и ревности будет постепенное свертывание «маленковской» политики.

Эффект от решений 1953 г. в области сельского хозяйства, по оценкам специалистов, сохранялся примерно до 1957—1958 гг. Период 1954—1958 гг. считается поэтому самым успешным за всю историю советской деревни. Прирост валовой продукции сельского хозяйства за эти годы на 35,3% по сравнению с предшествующим пятилетием (что уже само по себе было беспрецедентно) по целому ряду показателей был достигнут в основном за счет увеличения продуктивности личных подсобных хозяйств. С 1954 по 1956 г. в СССР впервые за послевоенный период наблюдался прирост сельского населения. Приостановилось бегство из деревни, а вместе с тем закономерный процесс урбанизации постепенно входил в нормальное русло. Росту валовой продукции сельского хозяйства способствовало и освоение целинных земель. Однако вопрос о соразмерности затрат, направленных на поднятие целины, с практической отдачей до сих пор остается спорным.

Бесспорно одно: примерно с середины 50-х гг. аграрный курс 1953 г., стержнем которого была ставка на материальную заинтересованность колхозников, на подъем личных подсобных хозяйств, претерпел настолько серьезные изменения, что от него по сути уже ничего не осталось. Наступление на личные подсобные хозяйства велось поэтапно. 6 марта 1956 г. принимается постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об уставе сельскохозяйственной артели и дальнейшем развитии инициативы колхозников в организации колхозного производства и управлении делами артели». Этим постановлением запрещалось увеличивать размер приусадебного участка колхозников за счет общественных земель и даже рекомендовалось сокращать его. Здесь же был закреплён принцип ограничения количества скота, находящегося в личной собственности колхозников, «с учетом местных условий».

27 августа 1956 г. постановлением Совета Министров СССР колхозникам и другим гражданам, держащим скот в личной собственности, запрещалось использовать в качестве корма для скота хлеб, крупу и другие продукты, приобретаемые в государственных и кооперативных магазинах. При отсутствии иных доступных источников обеспечения личного хозяйства кормами (кроме сенокоса и огорода) это постановление, в общем верное, если не принимать во внимание конкретную ситуацию, ставило крестьянина в тупик. Ему приходилось либо нарушать только что принятое постановление, либо сокращать количество скота в своем хозяйстве.

Борьба с личными подсобными хозяйствами велась не только непосредственно, но и косвенно — через осуществление других кампаний, призванных закрепить «линию партии» в деревне. По своим негативным последствиям среди этих кампаний выделяются по крайней мере две: новый этап укрупнения колхозов и кампания «догнать и перегнать

Америку». Определенным стимулом для возвращения к идее укрупнения колхозов послужила реабилитация позиции Хрущева, высказанной им в статье об агрогородах в 1951 г. 1 апреля 1958 г. Президиум ЦК КПСС отменил Закрытое письмо ЦК ВКП(б) от 2 апреля 1951 г., а идеи Хрущева, подвергшиеся тогда критике, были признаны «правильными и объективными». В позиции Хрущева 1951 г., как и в попытках развить ее в дальнейшем, было рациональное зерно, ибо он писал о необходимости не только решать производственные проблемы колхозов, но и благоустраивать деревню, думать об улучшении условий жизни крестьян. Однако казавшаяся столь очевидной мысль о том, что благоустраивать легче (и Дешевле) крупные поселки, расходилась со сложной реальностью устоявшегося сельского быта, желаниями самих сельских жителей, разнообразием сельских укладов на огромной территории СССР.

Впрочем, вопросами психологии, а также общественным мнением наверху тогда просто не интересовались, и Хрущев не был исключением из общего правила.

Весьма ощутимый удар по личным хозяйствам колхозников нанесла кампания «догнать и перегнать». Некоторые местные руководители, стремившиеся выполнить обязательства по сдаче мяса государству любой ценой, принуждали колхозников сдавать личный скот в счет госпоставок. «Рязанское дело», закончившееся самоубийством секретаря райкома Ларионова, — только одно звено в той цепи произвола, который позволяли себе местные чиновники в ходе пресловутой кампании.

Следующим шагом на пути ограничения личной собственности крестьян стало принятие в 1961 г. новой Программы партии. На фоне главной программной идеи — движение к коммунистическому будущему — личные хозяйства казались досадным «пережитком капитализма» и должны были исчезнуть, по крайней мере, в течение отведенных 20 лет. Столь же «буржуазной» в свете партийной программы выглядела и ставка на материальный интерес. Во времена Хрущева получила развитие другая тенденция, тяготеющая к уравнительному принципу распределения заработной платы и общественных благ: повышение минимальной заработной платы, рост выплат и пособий из так называемых общественных фондов потребления, безусловно, решили ряд социальных проблем для малообеспеченных групп населения, но этот процесс имел и оборотную сторону — падение престижа высококвалифицированного труда.

Примерно за два года до отставки Хрущев вновь возвратился к идее материального интереса, размышлял над экономической реформой и даже санкционировал дискуссию по этому вопросу. Он снова сделал ставку на эксперимент, в данном случае весьма перспективный. Но он опоздал: «экспериментальный период» для политики реформ уже закончился, лимит времени, отпущенный Хрущеву, оказался исчерпанным. Чтобы делать новую политику, нужен был новый лидер. Даже не столько новый лидер, сколько новое имя.

§ 4. Экономика СССР в 50-е — начале 60-х годов: основные тенденции развития и реформы управления

50-е и начало 60-х гг. считаются самым успешным периодом в развитии советской экономики с точки зрения как темпов экономического роста, так и эффективности общественного производства. Средние темпы экономического роста — 6,6% в 50-е гг. и 5,3% в 60-е гг. — были беспрецедентными за всю историю СССР. Советская экономика развивалась в русле общемировых тенденций: замедление темпов экономического роста и спад производства, вызванные сначала предвоенной депрессией, а затем войной и послевоенной реконструкцией, в 50-е гг. сменились в европейских странах и Японии длительной фазой экономического подъема. Самым влиятельным из всех факторов, лежавших в основе динамики послевоенного развития западных стран, — считает, например, известный бельгийский историк и экономист Г. Ван дер Вее, — являлся феномен так называемого «наверстывания».

Гипотеза «наверстывания», весьма популярная в исследованиях послевоенной экономики, предполагает, что законы развития мировой экономической конъюнктуры подталкивают государства, пережившие длительную стагнацию, после накопления необходимого потенциала догонять страны, вырвавшиеся за это время вперед (в послевоенном мире в роли безусловного лидера выступали США). Под влиянием общемировой тенденции «наверстывания» в 50—60-е гг. находились и Советский Союз, и другие страны восточного блока, перенявшие советскую модель экономического развития. Так что знаменитый лозунг Хрущева «Догнать и перегнать Америку!», несмотря на известную карикатурность практического воплощения, имел под собой и реальное основание.

К началу 50-х гг. восстановительный период в СССР завершился, за эти годы был создан достаточный инвестиционный и научный потенциал, позволивший в дальнейшем обеспечить высокие темпы экономического роста. Особенно успешно советская экономика развивалась во второй половине 50-х гг.: в этот период повысилась эффективность использования основных производственных фондов в промышленности и строительстве, быстро росла производительность труда в ряде отраслей народного хозяйства. Повышение эффективности производства способствовало значительному росту внутрихозяйственных накоплений, за счет этого стало возможно более полноценно финансировать непромышленную сферу. На осуществление социальных программ была также направлена часть средств, полученных в результате сокращения расходов на оборону.

Постепенное переключение внимания с накопления на потребление можно рассматривать как начало преобразования сталинской модели экономического развития, основанной на идее ускоренной индустриализации. Правда, самим советским руководством подобная трансформация вряд ли осознавалась: по крайней мере, в официальных заявлениях и документах курс на преимущественное развитие индустриальных отраслей экономики продолжал оставаться незыблемым. Основные принципы экономической доктрины никогда не подвергались пересмотру. Поэтому, несмотря на обилие реорганизаций, пик которых пришелся на 1957—1962 гг., они не изменили кардинально советской экономической системы. Даже рассуждая о «революционной перестройке», Хрущев не думал трогать основы — государственную собственность и плановую экономику.

Созданная в 20—30-е гг. государственная система (и соответствующая ей экономика) воспринималась Хрущевым, и не только им, как правильная, в развитии которой, однако, время от времени появляются отдельные «ненормальности». Их и нужно исправлять. Не случайно наиболее крупные постановления и решения 50—60-х гг. принимались даже на уровне формулировок как решения о «дальнейшем совершенствовании» или «дальнейшем развитии»; например: «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель» (1954); «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством» (1957); «О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций» (1958) и др.

Как человек, прошедший большую школу партийной работы снизу доверху, Хрущев почти во всех своих начинаниях стремился действовать по-партийному. Это значит, что главный механизм реализации принятых решений представлялся ему как хорошо отлаженная система пропаганды и дисциплинарной ответственности. При этом безусловный приоритет отдавался организационному фактору и коммунистической сознательности. Отсюда, например, известные пассажи Хрущева типа: если кукуруза не родится, то виноват в этом не климат, виноваты руководители. Так определялись общие подходы к реорганизации экономики и системы управления.

Поскольку сама экономическая система воспринималась руководством страны как правильная, трудности и проблемы экономического развития объяснялись прежде всего

недостатками руководства и управления — излишней бюрократизацией, сверхцентрализацией и т.п. Отсюда одни из самых громких начинаний 50—60-х гг. — борьба с бюрократизмом и ряд реорганизаций, призванных дать больше экономической самостоятельности республикам и регионам. Оба явления — и возросший бюрократизм в работе государственного аппарата, и излишняя централизация управления — действительно, существовали как реальное «зло» и были тесно связаны между собой. Процедура планирования, составления бюджетных и любых других документов была громоздкой и малоэффективной. Так, проект государственного бюджета РСФСР на 1954 г. включал 52 340 показателей (для сравнения: в 1945 г. — 15865 показателей), а проект бюджета Клинского района Московской области на 1954 г. состоял из 75 таблиц, включавших около 15 тыс. показателей.

Принятый порядок согласования интересов и полномочий различных ведомств создавал много проблем как для управляющих, так и для управляемых. Любое решение, относившееся к компетенции местных органов, требовало санкции вышестоящих инстанций. Приведем несколько примеров. Райисполкомы Сахалинской области обратились в исполком областного Совета с просьбой утвердить должность кочегара вместо имеющейся в их штате должности истопника. Сахалинский облисполком запросил по этому вопросу Министерство финансов СССР, а то в свою очередь не могло принять решение, не договорившись предварительно с Советом Министров РСФСР.

Больше года длилась переписка по аналогичному вопросу: Рязанская психиатрическая больница договорилась с областной больницей им. Семашко о передаче старого котла. Однако, поскольку одна из больниц находилась на бюджете Министерства здравоохранения, а другая — на областном бюджете, не только городские, областные и районные учреждения, но и само Министерство здравоохранения не могло решить этот вопрос. Решение было принято на уровне Совета Министров России.

Чтобы исправить это положение, ЦК КПСС в январе 1954 г. принял постановление «О серьезных недостатках в работе партийного и государственного аппарата», в котором говорилось о необходимости расширения прав местных органов управления. Во время обсуждения этого постановления на местах было внесено дополнительно более тысячи предложений по совершенствованию хозяйственной деятельности в районе, области, республике. Самое большое количество предложений (319) касалось упрощения бюджетно-финансовой отчетности, совершенствования вопросов планирования (197), сельского хозяйства (151), народного образования, здравоохранения и культуры (121).

Следующим шагом в том же направлении стало постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О существенных недостатках в структуре министерств и ведомств СССР и мерах по улучшению работы государственного аппарата» (октябрь 1954 г.). Постановлением предусматривалось упрощение структуры министерств и других звеньев управления, сокращение управленческого аппарата. Всего было упразднено около 10 тыс. главков, отделов, трестов и других организаций.

В мае 1955 г. были приняты решения по расширению функций и прав союзных республик в области планирования и капитального строительства, по бюджетным вопросам, в решении вопросов труда и заработной платы, в образовании фондов предприятий и др.

Все эти решения по децентрализации управления подготовили главную реорганизацию 50-х гг. — перестройку системы управления промышленностью и строительством по территориальному принципу и создание совнархозов (1957). Большинство общесоюзных и союзно-республиканских министерств, в ведении которых находились промышленность и строительство, были упразднены, кроме министерств электростанций, оборонной, авиационной, судостроительной, радиотехнической и химической промышленности. Страна была разделена на несколько крупных экономических районов, для управления которыми создавались Советы народного хозяйства (совнархозы).

Первые результаты реформы были вполне обнадеживающими: уже в 1958 г. прирост национального дохода составил 12,4% по сравнению с 7% в 1957 г. Однако уже тогда специалисты сделали интересное наблюдение: основной прирост пришелся на период, когда предприятия остались «бесхозными», т.е. министерства были упразднены, а совнархозы еще не успели вникнуть в суть дела. В дальнейшем начались проблемы, одна из которых заключалась в том, что внутри совнархоза взаимосвязь между предприятиями складывалась в целом благополучно, тогда как в отношениях с предприятиями «чужого» совнархоза постоянно возникали трудности. Тогда эту проблему называли местничеством и часто списывали за счет «несознательности» руководителей совнархозов.

Но дело было не только в разногласиях типа «свое» — «чужое»: переход на новую систему управления, сопровождавшийся упразднением центральных министерств, оставил практически неприкосновенной существующую до реорганизации систему производственных связей, так называемый принцип сложившейся кооперации. В результате получалось так, что, например, Ленинградский совнархоз ввозил чугунное литье с Украины, а Ленинградский завод им. Свердлова в то же самое время вывозил литье в Харьков. Московский областной совнархоз в 1959 г. отгрузил 25,6 тыс. т чугунного литья более чем в 18 районов, а получил 21,4 тыс. т из 25 районов.

При сохранении подобного порядка в конце концов должна была вновь возникнуть потребность в центральных координирующих и управляющих органах, напоминающих прежние министерства. Сначала такие органы были созданы в виде государственных комитетов Совета Министров СССР, в распоряжение которых были переданы ведущие научные, проектные и конструкторские институты (1962 г.). Собственно производство на том этапе оставалось по-прежнему в ведении совнархозов, однако сама система совнархозов также подверглась дальнейшей реорганизации: сначала в трех наиболее крупных республиках — в России, на Украине и в Казахстане были созданы республиканские Советы народного хозяйства (1960), затем Совет народного хозяйства СССР (1962) и Высший совет народного хозяйства СССР (1963).

Реорганизации верхнего эшелона управления сопровождались дальнейшими попытками совершенствования низового звена: в русле этих попыток можно рассматривать разделение партийных органов по производственному принципу на промышленные и сельскохозяйственные (ноябрь 1962 г.). Однако эта реорганизация оказалась еще более недолговечной, чем совнархозы.

Достигнутые высокие темпы экономического роста действительно могли создать иллюзию, что путь наиболее эффективного развития экономики уже найден. Между тем, как считает, например, экономист Г.И. Ханин, проведенные в 50-е гг. мероприятия по повышению эффективности использования ресурсов носили краткосрочный, зачастую технический характер (замена угля нефтью и газом, гидроэлектростанций теплоэлектростанциями, паровозов электровозами и т.п.). Не было найдено устойчивых глубинных факторов повышения эффективности производства, которые могли бы действовать и после исчерпания прежних факторов. Падение темпов экономического роста уже с начала 60-х гг. стало реальностью. Это обстоятельство в числе других, возможно, заставило Хрущева от идеи реорганизации управления вернуться к идее экономической реформы.

§ 5. Решения о «культе личности» и их влияние на общество

Теперь уже трудно восстановить доподлинно и точно, кому принадлежит сомнительная творческая находка — подвести под политические и экономические просчеты целых десятилетий теоретическое обоснование в виде ссылки на «культ личности». Одно можно сказать определенно: появление этого понятия в лексиконе политических лидеров и на страницах печати первоначально вовсе не преследовало цель заложить краеугольный камень новой теории. Его употребление было достаточно

условным, призванным как-то оформить «на словах» отказ от ритуального чествования вождей.

Вопрос этот поднимался уже на первом после похорон Сталина Президиуме ЦК 10 марта 1953 г., когда Г.М. Маленков, выступив с критикой центральной печати, попыток: «Считаем обязательным прекратить политику культа личности». Секретарю ЦК П.Н. Поспелову было дано поручение обеспечить необходимый контроль за прессой, а Н.С. Хрущеву — непосредственно за материалами, посвященными памяти И.В. Сталина. Таким образом, первоначально весь вопрос преодоления культовой традиции свелся к перестройке пропаганды.

Видимо, в ЦК существовала стойкая тенденция на этом и ограничиться, потому что спустя несколько месяцев в июле на Пленуме ЦК Г.М. Маленков сделал новое уточнение: «...Дело не только в пропаганде. Вопрос о культе личности прямо и непосредственно связан с вопросом о коллективности руководства». Так был сделан еще один шаг к изменению основ партийной жизни. «Вы должны знать, товарищи, — говорил на Пленуме Маленков, — что культ личности т. Сталина в повседневной практике руководства принял болезненные формы и размеры, методы коллективности в работе были отброшены, критика и самокритика в нашем высшей звене руководства вовсе отсутствовали. Мы не имеем права скрывать от вас, что такой уродливый культ личности привел к безапелляционности единоличных решений и в последние годы стал наносить серьезный ущерб делу руководства партией и страной».

На пленуме приводились конкретные факты, когда Сталин единолично при молчаливом одобрении остальных принимал заведомо ошибочные решения. Вспоминалась его инициатива нового повышения налогов с деревни, идея строительства Туркменского канала без обоснованных экономических расчетов. Были заложены первые сомнения под научную состоятельность некоторых теорий «корифея». Маленков, например, говорил о том, что идея продуктообмена была выдвинута в работе Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» «без достаточного анализа и экономического обоснования» и что она поэтому «может стать препятствием на пути решения важнейшей еще на многие годы задачи всемерного развития товарооборота».

Однако главным пунктом в комплексе ошибок «вождя», если следовать логике обсуждения этого вопроса на пленуме, был феномен Берии (пленум и собрался прежде всего в связи с делом Берии, незадолго до этого арестованного). «Происки» Берии, — говорил, например, на пленуме Молотов, — результат недостаточной бдительности нашего ЦК, в том числе и товарища Сталина. Берия нашел некоторые человеческие слабости и у И.В. Сталина, а у кого их нет? Он ловко их эксплуатировал и это удавалось ему в течение целого ряда лет». Каганович: «Он ловко втерся в доверие товарища Сталина». Хрущев: «Он очень крепко впился своими грязными лапами в душу товарища Сталина, он умел навязывать свое мнение товарищу Сталину».

Шаг за шагом, от выступления к выступлению по адресу Берии не только усиливается резкость высказываний, но и постепенно выстраивается общая концепция, определяющая отношение партийного руководства к феномену Берии. Основой конструирования этой концепции становится мотив отчуждения, по мере развития которого Берия объявляется сначала «внутренним врагом», а затем и «агентом международного империализма». Провозглашенный «чужаком», человеком другого лагеря, Берия тем самым как бы изгоняется из общности «мы» и переходит во враждебную — «они». Отсюда оценки личности Берии, имеющие исключительно отрицательную окраску («перерожденец», «интриган», «морально разложившийся человек» и т.д.). Прочность данной психологической конструкции нарушает только одно обстоятельство: до недавнего времени «чужак» считался «своим» и даже одним из первых среди «своих». Это противоречие разрешается с помощью комплекса «нашей вины», которая сводится к признанию «недостаточной бдительности». Впрочем, и для объяснения этой «вины» быстро находится смягчающий мотив, указывающий на особые

свойства «чужака», который «маскировался» и «втирался в доверие» к остальным. Их ошибки, таким образом, становятся результатом злого умысла «чужака», а общая ответственность, персонифицируясь, превращает последнего в единственного носителя комплекса вины. Мотив отчуждения играет и другую принципиальную роль, которая выводит за скобки возможной критики не только конкретных лиц, но и систему в целом: деятельность «чужого» субъекта носит внесистемный и даже враждебный существующей системе характер.

«Вина» Сталина, переключенная на «происки» Берии, тоже получает внесистемную оценку, т.е. оценку, не связанную с законами функционирования государственной власти. Она объявляется «человеческим грехом». В этой точке Сталин отделяется от сталинизма, система — от носителя. Вся последующая политика, направленная против культа Сталина будет строиться уже на основе этого разделения понятий. Это будет борьба с именем, борьба с идолом, но не с причинами, его породившими.

Строго говоря, критика Сталина вообще не могла пойти по варианту Берии. Сталина нельзя было сделать, скажем, «иностранным шпионом», т.е. его нельзя было вывести за рамки системы. Он все равно оставался «своим». Эта внутренняя встроенность феномена Сталина в систему, названную его же именем, изначально задавала предельный уровень результативности всех организованных сверху антикультовых мероприятий, всегда останавливающихся у порога внутрисистемного анализа. Где-то здесь — «ключ» к разгадке неустойчивости и прерывистости всей истории борьбы против «культа личности».

Чтобы адекватно оценить феномен Сталина, требовалась другая логика мышления, иное ментальное измерение, просто недоступное людям той системы. Новый взгляд мог появиться только извне или постепенно развиваться на основе внутренней эволюции прежней власти, а его носителями должны были стать люди, относительно свободные от комплекса прошлой вины. На начальном же этапе все вопросы, так или иначе связанные с именем Сталина, вообще не вышли за пределы обсуждения узкого круга посвященных. Все, о чем шла речь на Пленуме ЦК в июле 1953 г., о чем спорили, с чем не соглашались его участники, для народа оставалось тайной «за семью печатями».

Однако попытка сделать из Сталина фигуру умолчания произвела эффект, который лидерам страны в общем трудно было предвидеть.

В канун 8 марта 1954 г. (прошел год со дня смерти Сталина) в студенческом общежитии на Стромьинке по традиции к женскому дню показывали фильм «Член правительства». В фильме есть финальная сцена, когда в огромный зал под гром аплодисментов собравшихся входит Сталин. И вот, как только Сталин появился на экране, зрительный зал тоже встал и зааплодировал. Эти ребята не были фанатами Сталина, во всяком случае тот поступок питался другими чувствами: контраст между прежней шумихой, сопровождавшей имя «вождя», и внезапным провалом молчания был настолько искусствен, что казался безнравственным.

«Когда имя Сталина исчезло со страниц газет, а потом очень быстро появилась формулировка «культ личности», то этим было как-то задето нравственное чувство, чувство справедливости, — рассказывал И.А. Дедков, тогда студент МГУ, а впоследствии — известный журналист, критик, публицист. — Как же так? То он заполнял собой все газеты, все на него молились. И кто в первую очередь молился? Все эти «начальники», руководители страны. Почему вы раньше кричали «ура!», а теперь молчите? В общем, это было сделано как-то безнравственно. Не по-человечески».

Они тогда еще не задумывались о сущности таких понятий, как Сталин и сталинизм, но их путь преодоления Сталина в итоге оказался конструктивнее и глубже тех антикультовых мер, которые были предложены верховной властью. Задача, на первый взгляд, была как будто бы одна, но разные общественные силы подошли к ее решению с различными нравственными критериями и разной степенью восприимчивости к грядущим

политическим изменениям. Одни были готовы отдать в залог общественному мнению Сталина-человека, оставив в сущности неприкосновенным, хотя и слегка модернизированным, государственный режим. Другие шли в своих исканиях и сомнениях от человека и потому не только не приняли Сталина в виде жертвы (или сочли ее недостаточной), но и сразу встали на иной, более высокий Уровень восприятия общественных проблем и возможностей их решения. К кульминационной точке — XX съезду партии — руководство страны и та часть общества, которая за это время успела наработать известный запас переосмысленных реалий и идей, подошли с разной степенью готовности к переменам и разной глубиной видения этих перемен.

25 февраля 1956 г. — последний день работы XX съезда Партии — впоследствии войдет в историю. Именно тогда, неожиданно для абсолютного большинства присутствовавших на съезде делегатов, Хрущев вышел на трибуну с докладом «О культе личности и его последствиях». И хотя заседание было закрытым и делегатов предупредили о секретности происходившего, тайны, долгие годы окружавшей имя Сталина, с того момента больше не существовало. Поэтому документы, рожденные XX съездом, до сих пор стоят на особом счету среди всех других партийно-правительственных материалов. В них воплотилась фактически первая серьезная попытка осмыслить суть пройденного этапа, извлечь из него уроки, дать оценку не только прошлой истории как таковой, но и ее субъективным носителям.

Слово правды о Сталине, произнесенное с трибуны съезда, стало для современников потрясением — независимо от того, были ли для них приведенные факты и оценки откровением или давно ожидаемым восстановлением справедливости.

5 марта 1956 г. студенты Тбилиси вышли на улицу, чтобы возложить цветы к монументу Сталина в память третьей годовщины со дня его смерти. Чествование «вождя» превратилось в акцию протеста против решений XX съезда. Демонстрации и митинги не прекращались в течение пяти дней, а вечером 9 марта в город были введены танки. До Будапешта оставалось всего несколько месяцев, до Новочеркасска — шесть лет.

Тбилисские события — это своего рода индикатор состоятельности и продуманности всей антисталинской кампании. Уже в истоках ее — серьезный просчет как результат пренебрежения общественной психологией. Момент, выбранный для решительного разоблачения Сталина, практически совпал с датой его смерти, т.е. днем памяти. Подобные совпадения, даже если они не умышленны, а являются следствием обычной случайности, могут привести к психологическим «ошибкам», провоцирующим реакцию отторжения даже «благих» в своей основе начинаний. Именно с такого рода реакцией пришлось столкнуться Хрущеву в марте 1956 г.

Многие не приняли, например, концепцию личной вины Сталина как абсолютно достаточное объяснение. Общее настроение сомневающихся выразило, думается, одно из писем, направленных в те годы в редакцию журнала «Коммунист»: «Говорят, что политика партии была правильной, а вот Сталин был неправ. Но кто возглавлял десятки лет эту политику? Сталин. Кто формулировал основные политические положения? Сталин. Как-то не согласуется одно с другим».

Сомнения рождали раздумья, раздумья — новые вопросы. Шли собрания, неформальные обсуждения, споры и дискуссии. «Повсюду говорили о Сталине — в любой квартире, на работе, в столовых, в метро, — вспоминал И. Эренбург. - Встречаясь, один москвич говорил другому: «Ну, что вы скажете?..» Он не ждал ответа: объяснений прошлому не было. За ужином глава семьи рассказывал о том, что услышал на собрании. Дети слушали. Они знали, что Сталин был мудрым, гениальным... и вдруг они услышали, что Сталин убивал своих близких друзей, что он свято верил в слово Гитлера, одобрявшего пакт о ненападении. Сын или дочь спрашивали: «Папа, как ты мог ничего не знать?»

Одна дискуссия питала другую, волна общественной активности становилась шире и глубже. Не обошлось и без крайних выступлений. К такому размаху событий

политическое руководство оказалось не готовым. Было принято решение временно прекратить чтение закрытого доклада Хрущева.

В обществе начала складываться особая ситуация. Свергнув Сталина с его пьедестала, Хрущев снял вместе с тем «ореол неприкосновенности» с первой личности и ее окружения вообще. Система страха была разрушена (и в этом несомненная заслуга нового политического руководства), казавшаяся незыблемой вера в то, что сверху все видней, была сильно поколеблена. Тем самым Хрущев, хотел он того или нет, поставил себя под пристальный взгляд современников. Все властные структуры оставались прежними, но внутренний баланс интересов этот новый взгляд на лидера, безусловно, нарушал. Теперь люди вправе были не только ждать от руководства перемен к лучшему, но и требовать их. Изменение ситуации снизу создавало особый психологический фон нетерпения, который, с одной стороны, стимулировал стремление к решительным действиям властей, но, с другой стороны, усиливал опасность трансформации курса на реформы в пропагандистский популизм. Как показало развитие дальнейших событий, избежать этой опасности так и не удалось.

§ 6. Венгерский кризис и судьба «оттепели»

Вторая половина 50-х гг. была отмечена большими переменами в жизни советского общества. Менялась общественная атмосфера в стране, Советский Союз открывал для себя мир и сам становился более открытым для мира: международные обмены и контакты, поездки делегаций за рубеж и визиты в страну; всемирный фестиваль молодежи и студентов в Москве. Но самое существенное — иной становилась жизнь внутри страны. Она уже меньше напоминала улицу с односторонним движением и активно впитывала новые формы открытого общения. На волне общественного подъема рождались новые литература, живопись, театр. «Современник» вызывал на откровенный разговор современника, возрожденный «авангард» отстаивал право на свое видение мира, литература и публицистика — почти неразделимые — активно вторгались в повседневную жизнь, заставляя каждого определить свое место по ту или иную сторону «баррикад». Процессы духовного освобождения и духовного возрождения, энергия которых накапливалась десятилетиями, вдруг вырвались наружу, получив мощный импульс и новое качество.

В спорах, дискуссиях, организованных, а чаще импровизированных, рождался новый для советской действительности феномен — **общественное мнение**. О том, что это было именно мнение (а не настроения, эмоции, чувства), свидетельствует аналитический, оценочный характер высказываний и суждений. Достаточная массовость и публичность подобных выступлений заставляет отнестись к ним как к явлению общественному, т.е. отражающему интересы определенных социальных слоев и групп. Для формирования института общественного мнения, помимо общеполитических условий, создающих возможность для открытого публичного выражения идей и взглядов, необходим, как правило, конкретный объект, на котором общественное мнение может быть сконцентрировано. После смерти Сталина роль фокуса общественных оценок и суждений — по российской традиции — взяла на себя литература.

В восьмом номере за 1956 г. журнал «Новый мир» начал печатать роман В.Д. Дудинцева «Не хлебом единым», повествующий о жизненных коллизиях молодого инженера-изобретателя Лопаткина, его столкновениях с чиновничьим аппаратом в лице директора Дроздова, сложной, порой драматичной, судьбе «нестандартной» личности в мире устоявшихся стандартов. Конечно, и сам Дудинцев понимал, что его книга по тем временам — это вызов, и члены редколлегии журнала отдавали себе отчет в том, что публикуют в общем-то далеко не безобидную вещь, но вряд ли кто из них мог тогда предположить, что роман вызовет буквально взрывную общественную реакцию.

Социальную сущность романа, его по сути антиаппаратную направленность сразу оценили читатели, которых не смутили отрицательные отзывы на роман, появившиеся

сначала в «Известиях», а затем в «Литературной газете». «Я совершенно не согласен с вашей оценкой, — писал в редакцию «Литературной газеты» инженер А. Щербаков, — и считаю появление романа на страницах нашей печати очень важным делом... Он... зовет к борьбе против бюрократов и карьеристов во всех инстанциях, вплоть до главков и министерств, к борьбе против монополистов-консерваторов в науке, дает почувствовать (странно, как вы это не увидели в романе?) наряду с существующим бюрократизмом и волокитой такую жизнь, где о них не будет и речи».

«Не будем говорить о художественной силе этого произведения, давайте поговорим, как нам бороться против дроздовых, — звучала мысль во время обсуждения романа в Ленинградском университете. Тогда же из Ленинграда в Московский университет студенты направили письмо с призывом: «Давайте объединяться для совместных действий против дроздовых».

Официальная критика романа, к которой примкнула и часть читательской аудитории, упрекала автора в «очернительстве», «нетипичности» представленных фактов, «политической незрелости» и т.д. Но подоплека подобных обвинений строилась на более широких, нежели ошибки отдельного автора, принципах: речь шла о пределах дозволенного, о тех рамках, в которых должна была держать себя общественность, если она не хотела идти на конфликт с властями. Один из ответственных работников бюро ЦК КПСС по РСФСР, вероятно, выражая не только личное мнение, по поводу Дудинцева как-то заметил: «Пусть обобщает, как это делал Ажаев. Или вот у Малышкина, старик говорит о чайнике: «Вот, Советская власть какая, даже чайник не умеет сделать». Мы и это допускаем. Но мы не может допускать, чтобы отдельные элементы влияли на молодежь. Нам нужно единство. Не та сейчас обстановка. Планка «дозволенной» критики не случайно опустилась до «уровня чайника»: обстановка действительно была «не та».

А связь событий складывалась тем временем следующим образом. «В тот самый день, — вспоминает известный диссидент, литератор Л. Копелев, — ... когда для нас важнее всего было — состоится ли обсуждение романа Дудинцева, издадут ли его отдельной книгой, именно в эти дни и в те же часы в Будапеште была опрокинута чугунная статуя Сталина, шли демонстрации у памятника польскому генералу Бему, который в 1848 г. сражался за свободу Венгрии. Там начиналась народная революция».

Так внутренняя жизнь страны оказалась вписанной в международный контекст: венгерский вопрос для советского руководства стал своего рода индикатором, определяющим степень взрывоопасности внутривнутриполитической обстановки. Венгерский кризис на том уровне был воспринят как перспективная модель развития общественного движения в Советском Союзе, вызвав опасение повторения уроков Будапешта в «советском варианте». Среди партийных функционеров осенью-зимой 1956 г. распространялись панические настроения, ходили слухи о том, что уже тайно составляются списки коммунистов для будущей расправы. Слухи дополняли газетные публикации, фотоматериалы которых были, как нарочно, подобраны, чтобы служить средством устрашения. С помощью кампании, организованной в советской прессе, из отдельных сюжетов и комментариев лепился образ «кровавой контрреволюции», на фоне которого ввод советских войск в Будапешт выглядел не противозаконным действием, попирающим все нормы международного права, а как чут: ли не акт спасения.

Венгерский кризис стал одновременно и кризисом нового курса советского руководства: «будапештская осень» как будто проверила его на прочность, обнаружив самые уязвимые точки обновительного процесса, существование которых ставило возможность его поступательного развития под сомнение. И самым уязвимым, поскольку самым важным вопросом в этой связи был вопрос об отношении советских властей к политической оппозиции как к одному из гарантов необратимости прогрессивных реформ. Вмешательство в дела Венгрии и последующие события внутри страны показали, что о легализации оппозиции при той структуре и том составе власти не могло быть и речи. Руководители, добившиеся высоких постов в ходе борьбы с разного рода

«оппозициями» и «уклонами» 20—30-х гг., само понятие оппозиционности воспринимали как безусловно враждебное, подлежащее поэтому уничтожению — еще в зародыше, в тенденции, в помысле. Среди тех, кто вершил судьбу страны в 50-е, не было, пожалуй, ни одного человека, кто исповедовал бы другие принципы.

Венгерские события стали поворотным пунктом в развитии внутривластных реформ, продемонстрировав всему миру пределы возможного либерального курса Хрущева. Для советского лидера настал момент решительных действий. Тем более что его поведение, гораздо более самостоятельное и независимое, не могло не настораживать остальных членов Президиума ЦК. В руководстве постепенно сложилась антихрущевская оппозиция, названная впоследствии «антипартийной группой». Ее открытое выступление пришлось на июнь 1957 г. Прошедший тогда же пленум ЦК КПСС, на котором «оппозиционеры» (Молотов, Маленков, Каганович и др.) потерпели поражение, положил конец периоду «коллективного руководства», Хрущев же в качестве Первого секретаря стал единоличным лидером. (В 1958 г., когда он занял пост Председателя Совета Министров СССР, этот процесс получил свое логическое завершение.)

Вместе с тем «венгерский синдром» имел и более широкие (и гораздо более серьезные для судеб реформ) последствия, поскольку руководство страны поспешило принять меры перестраховочного характера, призванные блокировать развитие внутренних событий по «венгерскому варианту».

В декабре 1956 г. ЦК КПСС обратился ко всем членам партии с «закрытым» письмом, название которого говорит само за себя — «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских, враждебных элементов». В письме были подробно перечислены «группы риска», особенно поддающиеся влиянию чуждой идеологии, в число которых в первую очередь попали представители творческой интеллигенции и студенчества. Письмо, фразеология и дух которого настолько узнаваемы, что оно вполне могло быть отнесено ко времени самых яростных разоблачительных кампаний 30—40-х гг., особенно выразительно в своей заключительной части, где ЦК КПСС считает уместным специально подчеркнуть: «... в отношении вражеского охвоста у нас не может быть двух мнений по поводу того, как с ним бороться. Диктатура пролетариата по отношению к антисоветским элементам должна быть беспощадной». Примечательна также оговорка — о «части советских людей», которые «иногда не проявляют достаточной политической зрелости»: «таких людей нельзя сваливать в одну кучу с вражескими элементами». Оставалось только отделить «таких» от «не таких». Итог же слишком хорошо известен, чтобы обольщаться самой возможностью выбора.

Первой жертвой кампании по борьбе с «венгерским синдромом» стала отечественная интеллигенция, прежде всего писатели: В. Дудинцев («Не хлебом единым»), авторы альманаха «Литературная Москва», Б. Пастернак («Доктор Живаго»).

Казалось, возвращаются недоброй памяти времена борьбы с космополитизмом и разного рода «буржуазными» веяниями. В мае 1957 г. состоялась встреча руководителей партии с писателями — участниками правления СП СССР — первая в ряду ставших затем традиционными «исторических встреч». В. Каверин, присутствовавший на той встрече, впоследствии вспоминал, что у писателей тогда еще была жива надежда на Хрущева, силу его авторитета, который мог поддержать либеральное направление в литературе. Но произошло совершенно обратное. Хрущев заговорил о Сталине, упрекая литераторов в том, что они поняли критику культа личности «односторонне». «Сталин займет должное место в истории Советского Союза, — разъяснял собравшимся Первый секретарь. — У него были большие недостатки, но Сталин был преданным марксистом-ленинцем, преданным и стойким революционером... Наша партия, народ будут помнить Сталина и воздавать ему должное». Обозначив таким недвусмысленным образом принципиальные идеологические подходы, Хрущев перешел к их конкретизации. «Как ни бессвязна была речь Хрущева, — писал В. Каверин, — смысл ее был совершенно ясен... Пахло арестами,

тем более что Хрущев в своей речи сказал, что «мятежа в Венгрии не было бы, если бы своевременно посадили двух-трех горлопанов».

«Рассеяние последних иллюзий», — так прокомментировал ситуацию 1957 г. А. Твардовский. Это был поворот, отступление, тревожное даже не столько фактом своим, (колебания в политике всегда неизбежны), сколько тем обстоятельством, что коснулось оно по сути главного достижения последних лет — свободы слова — относительной, еще очень ограниченной, но свободы. После 1957 г., прошедшего под лозунгом восстановления единомыслия, о свободе слова, о гласности, даже урезанной, уже не могло быть и речи. А без гласности, как известно, не может быть и полноправного общественного мнения.

§ 7. Начало 60-х: общественное мнение и политика центра

«Мы не только раскритиковали недостатки прошлого, но провели такую перестройку, которую без преувеличения можно назвать революционной в деле управления и руководства всеми областями хозяйственного и культурного строительства», — сказал Хрущев в одном из своих публичных выступлений 1960 г. И добавил: «...Мы в Президиуме ЦК очень довольны положением, которое сейчас сложилось в партии и в стране. Очень хорошее положение!» Таково было мнение лидера страны. А что думал народ?

Многие, безусловно, могли бы разделить оптимизм позиции руководителей. В начале 60-х гг. институт общественного мнения «Комсомольской правды» провел анкетный опрос молодого поколения страны с целью выяснения жизненных ориентации молодежи, понимания ею смысла жизни, ее идеалов и планов на будущее. По результатам этого опроса (хотя они, конечно, не могли отразить настроения молодых во всех частностях) нетрудно воссоздать мироощущение наших «шестидесятников». В качестве наиболее характерных черт, свойственных молодому поколению, чаще других назывались целеустремленность, жизненная активность, оптимизм, подкрепленный «повседневной работой на коммунистический идеал».

Вместе с тем вера молодежи в коммунистический идеал, оптимизм восприятия настоящего и будущего отнюдь не заслоняли собой недостатки действительности. «...Сейчас мы не имеем права видеть только хорошее, то, что у нас уже есть и чего у нас нельзя отнять, — писал в своей анкете Г. Лаврентьев из Москвы. — Конечно, ошибочно видеть и только плохое, но, с другой стороны, нельзя закрывать на него глаза, как это бывало (порой, оправданно) прежде. Сегодня надо кричать о плохом, поднимать на борьбу с ним весь народ». В чем же конкретно виделось это «плохое»? Интересно, что, несмотря на достаточно мощный критический запал, представления молодежи о недостатках и трудностях современного момента были в общем ограничены набором социально-нравственных проблем. Именно нравственные аспекты развития общества выдвигались ими на первый план, а в качестве наиболее нетерпимых черт, нашедших, по мнению участников опроса, распространение в молодежной среде, назывались равнодушие, пассивность, иждивенчество и т.п. Отсюда призывы встать «контролерами» у входа в будущее, «чтобы не пропустить никакой грязи в его чистые и светлые залы». Можно говорить о недостаточной глубине критического анализа и наивности суждений, присутствовавших в оценках молодых, но, пожалуй, единственно, чего нельзя отрицать, — это высокого нравственного потенциала молодого поколения шестидесятых, его созидательной активности, готовности к «Большой Работе». Этот настрой тогда, в начале 60-х, был преобладающим, он как бы возвышался над скепсисом, равнодушием к жизни и эгоизмом, имевшим место у части молодежи. Во всяком случае, именно они — «романтики» — определяли лицо поколения.

Мысли и размышления молодых — весьма характерный, однако только один из срезов общественных настроений. К сожалению, мы не всегда располагаем

социологическими данными, чтобы представить более или менее адекватную картину общественного мнения на конец 50-х — начало 60-х гг. Но хотя бы в самой общей форме сделать это не только можно, но и необходимо. Знание того, о чем люди думали и разговаривали, причем не в официальной обстановке и даже не на страницах печати, а между собой, для понимания проблем и характера времени дает подчас больше, чем констатирующий текст того или иного постановления.

Примерно в то же время, когда Хрущев заверял соотечественников, что в стране, наконец, сложилось «очень хорошее положение», редакцией журнала «Коммунист» было получено любопытное письмо, автор которого (подписавшийся как К. Гай из г. Дрогобыча) решил собрать наиболее часто встречающиеся в разговорах людей критические замечания в адрес партийного руководства. Свое письмо он предварил замечанием: «Прошу поместить следующие подслушанные в пути мысли и ответить на них людям».

Что же это за мысли, которые, не высказанные публично (кстати, так и не опубликованные), имели «хождение в народе»? Приведем текст письма с некоторыми сокращениями: «Н.С. Хрущев... называет наших руководителей «слугами народа», это все равно, что черное назвать белым... Всегда слуга плату получал у хозяина, хозяин ему ее устанавливал. У нас наоборот. Страшно широкий замкнутый круг общегосударственных и местных вождей, считающих себя гениями против руководимой ими черни, сами себе установили огромные оклады, боятся разрешить самому народу подумать об установлении оплаты руководителям, о выборе руководителей... Опубликуйте, кто из депутатов и сколько получал «за» и «против» (персонально), зачем скрывать это от избирателей?.. Программу коммунистов Югославии нужно же дать почитать всем желающим, а то детективные романы переводят с любого языка, а небольшую программу коммунистов (пусть и ошибающихся) прячут... В судах должно быть больше нарзасов (народных заседателей. — *Е.З.*), чем присяжных, доверяйте людям, приобщайте к руководству страной, решению общегосударственных дел... Проводите референдумы.

Люди хотят снижения цен. Его нет несколько лет

Нужно, чтобы хотя бы по внешнему виду наши руководители были похожи на трудящихся больше, чем на буржуев...

По радио и в газетах меньше восхвалять сегодняшней день, а больше звать к завтрашнему. Культ личности был не только Сталина и не по его только вине, а большинства руководителей, по их вине. А они в седле».

Из этих разрозненных суждений складывается своеобразная «фотография» общественного мнения с выделением «болевых точек» действительности, существование которых наиболее остро ощущалось на уровне обыденного сознания. Конечно, во все времена были недовольные, и любая, сколько-нибудь серьезная перестройка не приносит быстрых улучшений в положении людей, а на определенном этапе может привести и к снижению жизненного уровня. И все-таки за высказанными критическими мыслями важно увидеть не голый скепсис, а общественную проблему, ущемленное чувство социальной справедливости, которое всегда было важным «индикатором» состояния общества. А после этого уже решать, в каком случае претензии и беспокойство обоснованны, а где имеет место упрощенное понимание принципов социального распределения или недопонимание особенностей момента. С точки зрения особенностей момента, чья же позиция — верхов или определенной части общества — была более жизненной, насколько был обоснован оптимизм одних и пессимизм других?

Закончилась крупная реорганизация управления народным хозяйством (1957), которая на первом этапе была несомненно эффективной. Принят новый план на семилетку. Форсируется развитие науки, готовятся новые космические программы. Политическая жизнь внутри страны стала более стабильной: критическая волна явно пошла на спад, все реже поднимался вопрос о борьбе с культом личности, который в свое время дал импульс общественной активности. Еще в 1959 г. на стадии верстки была

остановлена публикация закрытого доклада Хрущева на XX съезде партии: нет Сталина — нет и культа личности, а развенчание «антипартийной группы» легко было представить как последний аккорд в борьбе со «сталинистами».

Международное положение тоже не внушало пока особых опасений. Напротив, произошла некоторая стабилизация ситуации в Западной Европе, мир следил за развитием национально-освободительных движений в Африке, за событиями на Кубе, вновь поднявшими популярность идеи социалистического выбора. В общем положение дел как внутри страны, так и за ее пределами при одномоментной оценке ситуации могло служить основанием для оптимизма. Правда, с одним лишь условием: если считать это положение неизменяемым или способным к развитию лишь в одну сторону — от хорошего к лучшему.

Между тем любой непредвзятый анализ ситуации показывал, что она чревата серьезными осложнениями. Постепенно сбывались прогнозы тех, кто предупреждал об ограниченности структурной реорганизации практики управления и видел просчеты проведенной совнархозовской реформы. Реорганизационная система управления народным хозяйством отличалась от существовавшей ранее «министерской», но не была принципиально новой. Сохранился старый принцип разверстки сырья и готовой продукции, экономически ничего не изменивший в отношениях потребителя и поставщика. Диктат производителя по-прежнему воспроизводил ненормальную хозяйственную ситуацию, при которой предложение определяет спрос. Экономические рычаги не заработали. С помощью административной «погонялки» обеспечить стабильный экономический рост было невозможно (хотя конкретные цифры развития экономики, предусмотренные Программой партии, были как раз ориентированы на поддержание достигнутых к концу 50-х гг. темпов экономического роста — без учета подвижности конъюнктуры и возможностей базового уровня).

Существование ряда проблем — экономических, социальных, политических, нравственных — выявило обсуждение проектов Программы и Устава партии, которые были приняты на XXII съезде (1961). Большинство этих проблем концентрировалось в той области, которая определяет отношения между народом и государственной властью. Приглушение критики, снижение демократического настроения в общественной жизни не прошли незаметно для современников. Очевидная возможность утраты позиций, заявленных на XX съезде партии, с необходимостью ставила вопрос о поиске гарантий необратимости начатых реформ. Если судить по читательской почте того времени, то гарантии от рецидивов культа личности связывались прежде всего с преодолением отчуждения между общественностью и представителями власти. В качестве мер, направленных на преодоление этого отчуждения, предлагалось ограничить срок пребывания на руководящих партийных и государственных должностях, ликвидировать систему привилегий для номенклатурных работников, проводить строгий контроль за соблюдением принципов социальной справедливости. Наиболее радикальные предложения (о ротации кадров, ограничении привилегий для номенклатуры и т.д.) остались за рамками решений съезда. Позиция Хрущева, заявленная на съезде, носила неизбежно компромиссный характер и была отражением той борьбы, которая шла в верхах в ходе подготовки программных документов. Однако если не сенсацией, то известной неожиданностью для большинства современников стало не выступление Хрущева по Программе партии, а его возврат к вопросу о культе личности, о Сталине и сталинизме.

«После бесцветного XXI съезда, втуне и безмолвие оставившего все славные начинания XX, никак было не предвидеть ту внезапную залиvistую яростную атаку на Сталина, которую назначит Хрущев XXII съезду! — напишет А.И. Солженицын. — И объяснить ее мы, неосведомленные, никак не могли! Однако она была, и не тайная, как на XX съезде, а открытая! Давно я не помнил такого интересного чтения, как речи на XXII съезде. Я читал, читал эти речи — и стены моего затаенного мира заколебались, и меня

колебали и разрывали: да не пришел ли долгожданный страшный радостный момент — тот миг, когда я должен высунуть макушку из-под воды?» Именно в тот момент, по признанию А. Солженицына, у него созрело решение передать свою повесть «Щ-854» в журнал «Новый мир», где уже в 1962 г. она увидела свет под известным всему миру названием — «Один день Ивана Денисовича».

Это произошло в ноябре 1962 г., а месяцем раньше «Правда» опубликовала стихотворение Е. Евтушенко «Наследники Сталина». И повесть А. Солженицына, появившаяся благодаря личному участию Хрущева — «с ведома и одобрения ЦК», и антисталинское выступление Е. Евтушенко в центральном партийном органе должны были продемонстрировать общественности, что руководство страны хранит верность курсу на десталинизацию и намерено твердо идти по пути познания прошлого. Возможно, это и не была «чистая» демонстрация, но тогда это — те самые «благие намерения», мало общего имеющие с результатами их реализации. И вот почему: объявив новый подход в прошлое, руководство страны опять натолкнулось на «подводный камень», о который в сущности разбились наиболее радикальные планы XX съезда. Речь идет о степени коррекции опыта прошлого и опыта настоящего, поскольку критически-аналитический подход обладает той особенностью, что он не знает хронологических границ; напротив, история, если относиться к ней серьезно, всегда служит инструментом познания не только прошлого, но и настоящего. На пути развития этого естественного процесса облеченные властью критики Сталина сразу же выставили ограничитель — 1953 г., разделивший историю на «старое» и «новое» время. Все, что относилось к «новому» времени, проверялось не духом решений по культуре личности, а идеями партийной Программы с ее непротиворечиво-положительной заданностью.

Об отсутствии должной взаимообусловленности между двумя принципиальными решениями XXII съезда — по культуре личности и по Программе партии, об опасности углубляющегося разрыва между ними с тревогой писали современники. «Для того чтобы решения съезда были правильно и всесторонне поняты разными слоями нашего народа, усвоены и закреплены надолго, — обращаясь к Н.С. Хрущеву писатель Э. Казакевич, — необходимо, мне кажется, сейчас же, без промедления, организовать открытые и прямые выступления мастеров культуры и науки всех оттенков и специальностей в поддержку двух основных вопросов, решенных съездом и взаимосвязанных: Программы партии и развенчания Сталина... Мне кажется, что именно так может быть достигнуто то, чего нельзя добиться только официальными комментариями, переименованием городов и другими административными мерами: создание сильного и устойчивого общественного мнения и ликвидация некоторого разброда, сомнений и даже недовольства, которое, как Вы и предвидели в своем докладе, имеет место в отдельных слоях нашего народа... Народу станет еще яснее, что строительство коммунизма и развенчание Сталина — неразрывное целое, что нельзя быть за первое, не будучи и за второе, что полная ликвидация культа Сталина — необходимость».

Наверху считали по-другому. Секретарь ЦК Ф.Р. Козлов, выступая после XXII съезда перед слушателями Высшей партийной школы, говорил о том, что на съезде произошел известный перекокс: вместо обсуждения главного события — новой Программы партии — неожиданно получилось «второе издание» XX съезда и критики сталинизма. Этот перекокс, наставлял секретарь ЦК, надо исправлять.

Снова, как в 1956 г., общественная мысль в интерпретации принятых руководством страны решений пошла значительно дальше, чем нужно было властям: «упрямые» интеллигенты не хотели видеть в сталинизме отжившее явление и настойчиво предупреждали о его возможных рецидивах.

Факты для такого рода выводов были очевидны: на месте низвергнутого авторитета постепенно ставился новый. Уже на XXII съезде КПСС имя Хрущева было окружено всеми необходимыми внешними атрибутами, которые формально возводили его в ранг «вождя» и одновременно ограждали от какой бы то ни было критики. Поэтому не

все современники искренне поверили Хрущеву, когда он снова выступил против культа Сталина.

Эмоциональность и непосредственность советского лидера, с любопытством и доброжелательством воспринимаемые его западными коллегами, «дома» раздражали. Обитатели политического Олимпа часто сами провоцировали негативную реакцию на свои действия, демонстрируя контраст в уровне жизни верхов и низов: газеты, радио и даже пока еще не очень привычное телевидение, соперничая друг с другом, информировали о пышных банкетах, торжественных обедах, дорогих приемах. И все это на фоне убывающего ассортимента городских (не говоря уже о сельских) прилавков. Чтобы как-то нейтрализовать общественное раздражение от увиденного и услышанного, главный редактор «Правды» П. Сатюков, например, обратился в ЦК КПСС с письмом, где предложил до минимума сократить разного рода «гастрономическую» информацию из жизни высших сфер, заражающую общество негативными эмоциями против власть имущих.

В этой ситуации решение правительства повысить с 1 июня 1962 г. розничные цены на ряд продовольственных товаров произвело эффект, который был совершенно не предусмотрен властями. Уже в тот же день, когда в печати появилось сообщение о повышении цен, в разных местах были обнаружены листовки с весьма характерным и в общем типичным содержанием: «Сегодня повышение цен, а что нас ждет завтра?» (Москва); «Нас обманывали и обманывают. Будем бороться за справедливость» (Донецк) и др. Комитет государственной безопасности ежедневно информировал ЦК КПСС о реакции населения на повышение цен. Среди негативных настроений преобладали старые мотивы: недовольство политикой «братской помощи» и слишком роскошной жизнью верхов, пытающихся собственные просчеты исправить за счет народа. Но на фоне неизбежного в таких случаях всплеска эмоций встречались и попытки более глубокого анализа продовольственного кризиса: «Неправильно было принято постановление о запрещении иметь в пригородных поселках и некоторых селах скот. Если бы разрешили рабочим и крестьянам иметь скот, разводить его, то этого бы (т.е. повышения цен на мясо. — Е.З.) не случилось, мясных продуктов было бы сейчас достаточно»; «Все плохое велят на Сталина, говорят, что его политика развалила сельское хозяйство. Но неужели за то время, которое прошло после его смерти, нельзя было восстановить сельское хозяйство? Нет, в его развале лежат более глубокие корни, о которых, очевидно, говорить нельзя».

Долгое время трагические события июня 1962 г. в Новочеркасске рассматривались, как чуть ли не единственная акция протеста против решения правительства о ценах (хотя в действительности повышение цен было скорее поводом для волнений). На самом деле рабочие Новочеркасска были не одиноки, но они единственные, кто отважился идти до конца. Что касается предзабастовочных ситуаций, то они отмечались тогда во многих промышленных центрах. Причем события развивались довольно быстро: если 1 июня сообщения КГБ о настроениях населения фиксировали в основном оценочную реакцию — удивление и недовольство повышением цен, то уже со 2 июня в сводках начинает преобладать информация о начале активных действий — о призывах к забастовкам и демонстрациям, порой довольно резких: «Долой позорное решение правительства. С 4-го — забастовка» (Челябинск); «Нужно иметь автомат и перестрелять всех» (Читинская область); «Вы — коммунисты, что же молчите? Власть народная, давайте, сделайте переворот» (Хабаровск). Вполне вероятно, что распространение подобных настроений ускорило трагическую развязку в Новочеркасске.

Очевидно одно: власти тогда по-настоящему испугались. Ситуация поставила их перед выбором: уступить или предпринять решительное наступление, чтобы в дальнейшем блокировать саму возможность повторения событий, аналогичных новочеркасским. И такой выбор действительно был сделан, о чем свидетельствует, например, появление одного документа, датированного июлем 1962 г.: «Всему руководящему и оперативному составу органов государственной безопасности, не

ослабляя борьбы с подрывной деятельностью разведок капиталистических стран и их агентуры, принять меры к решительному усилению агентурно-оперативной работы по выявлению и пресечению враждебных действий антисоветских элементов внутри страны... Создать... Управление, на которое возложить функции по организации агентурно-оперативной работы на крупных и особо важных промышленных предприятиях». Вновь поворот к реакции, только теперь, в отличие от 1957 г., уже недвусмысленный и вполне очевидный.

1962 год. Это он открыл миру А. Солженицына. Но он же — знаменовал собой кровавую драму Новочеркасска и зыбкий баланс Карибского кризиса. А под занавес — шумный скандал в московском Манеже и не менее скандальная «историческая встреча» Хрущева с интеллигенцией. Последнее событие, пожалуй, окончательно решило вопрос об отношении к лидеру демократически настроенной части общества. Хрущев остался один, точнее, один на один с партаппаратом, который вскоре решил и его собственную судьбу, и судьбу начатых в 50-е гг. реформ.

§ 8. У истоков экономической реформы, в поисках идей

Начало 60-х гг. с точки зрения развития экономической ситуации в стране было не таким благоприятным, как предыдущее десятилетие. Высокие темпы экономического роста, сопровождавшиеся, особенно во второй половине 50-х гг., повышением эффективности производства, заметными достижениями в ряде областей науки и техники, расширением сферы потребления и т.д., в начале 60-х гг. стали уменьшаться. (Согласно данным ЦСУ СССР, в 1963 г. по сравнению с 1962 г. снизился прирост национального дохода с 5,7 до 4,0%, продукции промышленности — с 9,7 до 8,1 %, а валовая продукция сельского хозяйства составила 92,5% от уровня 1962 г.) Объяснение возникших проблем традиционными недостатками руководства после стольких реорганизаций, направленных на их устранение, вряд ли выглядело убедительно (последняя попытка такого рода относится к ноябрю 1962 г., когда партийные и советские органы разделились по производственному принципу).

Экономическая ситуация требовала научного осмысления, критического анализа, с тем чтобы не только поставить объективный диагноз современному состоянию экономики, но и определить принципы ее развития на будущее. Необходимость подключения научной мысли к разработке экономической политики стал понимать и сам Хрущев: при его непосредственной поддержке в начале 60-х гг. начались экономические дискуссии.

Первая из них коснулась далеких от практической экономики проблем и была посвящена общим вопросам политэкономии социализма. В конкретном плане дискуссия сконцентрировалась на проблемах развития научного курса политэкономии социализма, который, как было признано, давно нуждался в совершенствовании. Но в каком? — в этом и заключалась вся суть вопроса.

По мнению «большинства», совершенствование заключалось главным образом в структурных изменениях схемы построения курса. Те, кто видел глубинные пороки экономической теории, обусловленные ошибочностью подходов к анализу социалистической экономики как таковой, остались в меньшинстве. Более того, их встречали буквально в «штыки» как покушавшихся на достижения отечественной науки. Достаточно было даже такому признанному экономисту, как Л.А. Леонтьев, высказать мысль о застойных явлениях в развитии экономического знания после 20-х гг., — его позиция почти сразу же подверглась коллективному осуждению. Логика «большинства» была проста: раз социализм, как считалось, уже построен, значит, была и есть теория его построения, т.е. наука. Наука как бы освещалась самим фактом построения социализма, независимо от результатов и цены этого строительства. «Меньшинство» же предпочитало

задумываться именно о цене и результатах уже сделанного и еще больше — о содержании и направлениях предстоящей экономической работы.

В этом плане определенный интерес представляют мысли Л.Д. Ярошенко, который в ходе дискуссии 1951 г. был подвергнут критике Сталиным и осужден, как и другие ученые, оказавшиеся в оппозиции официальной точке зрения. Естественно, что в то время Ярошенко так и не добился обнародования своих идей. Что же изменилось десять лет спустя — уже после публичной критики сталинской работы «Экономические проблемы социализма в СССР» и самой дискуссии 1951 г.? В конце 1961 г. в журнале «Коммунист» появилась статья, в которой позиция Ярошенко по-прежнему была отнесена в разряд «порочных», а автор упрекался в стремлении «ликвидировать политическую экономию», подменив ее «богдановщиной». Статья, подписанная Л. Гатовским, почти дословно воспроизвела формулировки, данные Сталиным в «Экономических проблемах...». Мы останавливаемся на судьбе Ярошенко вовсе не потому, что считаем его концепцию совершенной (любая научная теория нуждается в обстоятельном разборе), просто здесь, как в зеркале, отразились судьба научного поиска и особенности развития науки в тот период.

В чем же конкретно выражалась названная «немарксистской» точка зрения Ярошенко на проблемы политэкономии социализма?

«...Ключ к правильному теоретическому решению основных вопросов политэкономии социализма, — писал Ярошенко, — я вижу в признании того, что в условиях социализма и коммунизма **не существует потребности отраслей народного хозяйства в рабочей силе, а существует потребность людей, работников в отраслях хозяйства** (выделено мной. — *Е.З.*).

Человек как цель экономического прогресса, а не абстрактная «производительная сила» или «трудовой ресурс» — в этом подходе суть поворота, который должен был определить доминанту в развитии и экономической теории, и хозяйственной практики. И не в последнюю очередь — определить место и роль экономической науки в реальной политике. Разность позиций по этому вопросу сам Ярошенко понимал так: «Политическая экономия в условиях социализма изучает и объясняет социалистический способ производства. Изучает и объясняет существующее — точка зрения Л. Гатовского и его единомышленников. Политическая экономия социализма разрабатывает теорию развития социалистического способа производства, теорию развития действительного и с этой точки зрения изучает социалистический способ производства — точка зрения Л. Ярошенко».

Можно было бы рассуждать о преимуществах и ограниченности того или иного подхода к проблемам развития экономической теории. Однако эти рассуждения вряд ли имели смысл в тех условиях, когда монополия «большинства» фактически закрывала право на существование другой точки зрения. Такой способ разрешения общих вопросов не мог не сказаться и на результатах разрешения более частных вопросов.

Частные вопросы касались конкретных проблем хозяйственной практики, организации производства, стиля и методов управления. Все они в конце концов сосредоточились на одной задаче: как обеспечить максимальную эффективность работы предприятий, при которой рост производства сопровождался бы постоянным улучшением качества продукции? Этой проблемой экономисты занимались давно, но с начала 60-х гг. их выступления уже приобрели характер целенаправленной дискуссии. Предметом спора стали предложения харьковского экономиста Е.Г. Либермана, сделанные им на основе анализа опыта работы Экономической лаборатории Харьковского совнархоза и опубликованные в 1962 г. в журнале «Вопросы экономики», а затем и в «Правде» (статья «План, прибыль, премия»). В обобщенном варианте эти предложения сводились к следующему:

1. Современный порядок планирования работы предприятий не заинтересовывает их в эффективной, качественной работе. Одна из причин такого положения — **ограничение хозяйственной самостоятельности и инициативы предприятий.**

2. Задача расширения инициативы и самостоятельности предприятий может быть решена на основе использования принципа **«долевого участия в доходе»**: чем больше ценностей создало предприятие для общества, тем большая сумма должна отчисляться в его поощрительный фонд, независимо от того, произведены эти ценности в рамках плана или сверх него.

3. Принцип «долевого участия» реализуется в форме планового **норматива длительного действия** по рентабельности производства. Формирование нормативов происходит дифференцированно по различным отраслям и группам предприятий, находящимся примерно в одинаковых естественных и технических условиях.

4. Использование нормативов длительного действия позволит оценивать работу предприятий **по конечной эффективности**, а не по большому числу показателей, детально регламентирующих хозяйственную жизнь предприятий.

5. Дело не в показателях, а в **системе взаимоотношений предприятия с народным хозяйством.** Необходимы существенные коррективы в порядке планирования производства сверху донизу.

6. Усилить и улучшить **централизованное планирование** путем доведения обязательных заданий только до совнархозов. Ликвидировать практику разверстки заданий совнархозами между предприятиями «по достигнутому уровню».

7. Планы предприятий после согласования и утверждения объемно-номенклатурной программы **полностью составляются самими предприятиями.**

8. Необходимо разработать порядок использования **единых фондов поощрения** из прибылей предприятий, имея в виду расширение прав предприятий в расходовании фондов на нужды коллективного и личного поощрения.

Идеи Е. Либермана представляли собой попытку создания концепции «сквозного» совершенствования хозяйственного механизма сверху донизу — от реорганизации централизованного планирования до разработки экономических основ развития производственного самоуправления (принцип «долевого участия»).

Идею «сквозной» экономической реформы разрабатывал тогда целый ряд экономистов. В одном из наиболее проработанных вариантов ее представлял В.С. Немчинов. В его работах мысль о переводе экономики на научные основы управления проводилась в предложениях по построению плановых моделей народного хозяйства (модели расширенного воспроизводства, модели отраслевого и территориального общественного разделения труда, модели планового ценообразования и др.), с помощью которых стал бы возможен расчет различных балансов и оптимумов, в том числе и определение оптимального режима экономического развития на тот или иной период.

«Составление плана — дело расчетное, иное дело — его выполнение», — утверждал В.С. Немчинов, обосновывая целесообразность доведения до предприятий минимального числа плановых показателей, исключая из них большинство, необходимых только как расчетные. Он же активно отстаивал идею введения платы за основные фонды предприятия, перевода материально-технического снабжения на принципы оптовой торговли, переориентации работы экономики с промежуточных на конечные результаты.

Во время дискуссии по статье Е. Либермана именно Немчинов призывал коллег к лояльности и взаимопониманию: «Главное в нашей дискуссии — это выявить, что объединяет сторонников различных точек зрения по обсуждаемому вопросу. Если же мы будем без конца наслаивать наши разногласия, решение этого вопроса не сдвинется с мертвой точки». Решение вопроса между тем все-таки сдвинулось, правда, не совсем в том направлении, которое было предложено в начале обсуждения. Дискуссия незаметно сосредоточилась на одной проблеме — проблеме материального стимулирования (привлечение внимания общественности к этому вопросу было признано фактически

единственным достоинством выступления Либермана). Научный совет по хозяйственному расчету и материальному стимулированию производства при Академии наук СССР на своем заседании признал «схему Е.Г. Либермана» в принципе неприемлемой, поскольку ее автор, «нарушив меру и необходимые пропорции, доводит ряд правильных положений до такой их трактовки, которая вместо пользы сулит отрицательные последствия».

Справедливости ради надо отметить, что в критике было и рациональное зерно, например, когда речь шла о недопустимости абсолютизации того или иного показателя учета и оценки работы предприятий. Однако главный пункт обвинений, предъявленных Либерману, заключался в другом: его упрекали не более и не менее как в покушении на основу основ социалистической экономики — централизованное государственное планирование. Здесь мы подходим к очень важному моменту — важному для понимания не только экономической дискуссии первой половины 60-х гг., но и особенностей последовавшей за ней экономической реформы.

Парадоксы хозяйственной реформы 1965 г., половинчатый характер экономических реорганизаций послевоенного времени отнюдь не случайны, если рассматривать их с точки зрения объективных и субъективных пределов возможного. Применительно ко времени 60-х объективная потребность обновления экономической стратегии столкнулась с наличием серьезных барьеров субъективного порядка, которые не позволили провести тогда радикальные преобразования. Эти барьеры создавались прежде всего господствующей экономической концепцией. Ее стержневая идея, основанная на противопоставлении «либо план, либо рынок», определяла особое место централизованного государственного планирования в системе экономических отношений, при котором все споры по вопросу хозяйственной самостоятельности производственных звеньев становились простой формальностью или определенной данью времени перемен. Известна позиция Хрущева, который считал, что «единое централизованное планирование... в социалистическом хозяйстве... должно быть обязательно... Иначе надо обращаться к рынку, тогда... уже не социалистические отношения между предприятиями на основе единого плана, а рыночные... Это — спрос и предложение. Но это уже элементы капиталистические...». И дело здесь даже не в личной позиции Хрущева, а в том, что, согласно существовавшей политической традиции, личная точка зрения лидера — это уже официальная установка, определяющая направление развития и хозяйственной практики, и хозяйственного мышления.

Были попытки выйти за рамки старой экономической концепции. Академик В.С. Немчинов, например, выступая против «коронации» централизованного планирования, в 1964 г. писал: «В современных условиях система всеобъемлющего и всеохватывающего планирования вступает в противоречие с действительностью. Хозяйственный процесс непрерывен. Он неадекватен процессу планирования... народного хозяйства». Эту истину хорошо понимали некоторые хозяйственники, которые приходили к осознанию ограниченности принципов плановой разверстки в результате долголетнего практического опыта. Они высказывались за практическую апробацию идей Е. Либермана, а руководители Воронежского совнархоза, например, выступили с конкретным предложением «при участии научных работников институтов, в порядке опыта применить на ряде своих предприятий предложения, выдвинутые в статье «План, прибыль, премия». Но опыт, эксперимент получали право на жизнь лишь в том случае, если они не выходили за рамки общепринятой экономической концепции. Отсюда — бесконечные призывы к «совершенствованию», «развитию», «улучшению» хозяйственной практики, и отсюда же — невозможность состыковать неприкосновенность единого централизованного планирования с борьбой против постоянного вмешательства центральных ведомств в деятельность производственных коллективов. В результате «банк идей», созданный усилиями отечественных экономистов, в наиболее конструктивной части оказался неработающим. Предложения по организации оптовой торговли средствами производства, гибкого ценообразования, прямых договорных связей и др., направленные на развитие

социалистического товарного производства, получились заведомо обреченными, поскольку их не к чему было приложить. Существующая экономическая теория их активно отторгала, новой создано не было. Дальнейший экономический поиск попадал таким образом в логический тупик: с одной стороны, он направлялся идеей использования стоимостных рычагов в социалистическом хозяйстве, но с другой — существовала непререкаемая позиция, отрицающая связь социалистической экономики с рыночным механизмом (а значит, и с законом стоимости). По-видимому, не найдя выхода из этого тупика, экономическая мысль стала дробиться, склоняться к детализации: экономическая дискуссия, охватившая вначале широкий спектр проблем, постепенно сужалась до спора о показателях эффективности, о «главном» показателе, а затем приобрела ярко выраженную антиваловую направленность.

В результате уже на стартовом уровне возможности будущей экономической реформы оказались существенно заниженными. Политическая ситуация после отставки Хрущева в октябре 1964 г. тоже не способствовала углублению творческого поиска. Самая крупная за послевоенный период реформа опоздала, так как ее практическое воплощение пришлось на тот момент, когда наиболее благоприятное, с точки зрения состояния общественной атмосферы, время для осуществления реформ осталось уже позади.

Казалось, для успеха реформ во второй половине 50-х — начале 60-х гг. были созданы все условия. Общество находилось на эмоциональном подъеме. Общественная мысль сбрасывала одежды старых стереотипов и активно генерировала новые идеи. Появился феномен общественного мнения, способного фокусироваться на узловых проблемах политики и оказывать влияние на выбор политических решений. Центр после завершения довольно длительного периода борьбы за власть наконец приобрел единоличного лидера, способного возглавить процесс социальных преобразований. И тем не менее большинство прогрессивных начинаний, задуманных в те годы, потерпели полное или частичное поражение. Почему так произошло?

Думается, что главная причина неудач реформ 50—60-х гг. заключается в разности потенциала перемен, которым располагало общество, с одной стороны, и его лидеры — с другой. Расхождение в первоначальных устремлениях, которое наметилось между ними в ходе предварительной работы 1953—1955 гг., в дальнейшем углублялось и конкретизировалось, мешая достигнуть взаимоприемлемого компромисса. Общество всегда ждало от лидеров больше, чем те стремились ему дать. Поскольку же принципиальные политические решения (как, например, решение о культе личности) носили не вполне законченный характер, общественная мысль и общественное мнение развивали их до пределов ожидаемого, радикализируя и уточняя первоначальный замысел. Подобная трансляция почти всегда встречала сопротивление правящего центра, который за расширительной трактовкой своих решений видел (и не без основания) угрозу собственной власти. Поэтому, едва приняв решение, центр предпринимал действия, ограничивающие свободу его применения. В результате общество (прежде всего интеллектуалы) постоянно попадало в ситуацию обманутых надежд. Политические реформы, не касающиеся всерьез проблем власти, успеха не имели.

Социальные реформы, направленные на подъем жизненного уровня, несмотря на известную отдачу, тоже не прибавили авторитета руководству страны, но уже по другой причине: приносила свои неизбежные плоды патерналистская политика.

Реорганизации системы управления экономикой (из них самая крупная — создание совнархозов) часто несли в себе рациональное зерно, но вырванные из общего контекста преобразовательной политики (которая отличается, например, тем, что требует точного программирования как самих реформ, так и их возможных последствий), они сформировали достаточно серьезную оппозицию реформам среди слоя управленцев. Хозяйственные реорганизации и непоследовательность Хрущева в вопросах политики и идеологии, который то шел навстречу либеральной интеллигенции, то вставал на сторону

более консервативно настроенного аппарата, способствовали усилению влияния номенклатурной оппозиции.

В то же время пределы возможного, которые продемонстрировал Хрущев в последние годы своего пребывания у власти, лишили его кредита доверия той части общества, которая сначала безусловно поддерживала новый курс лидера. Частые смены курса, обилие начинаний, которые как паллиативы были малорезультативны, постепенно сформировали в обществе комплекс усталости от реформ, тягу к стабильности и порядку. Этот комплекс стал социально-психологической основой, обеспечившей заинтересованным политическим силам победу не только над Хрущевым, но и в конечном счете над политикой реформ вообще.